

• ПАВЕЛ •
• ТЕТЕРИН •

Παικτετα
αει Ιγαμελια

Павел Тетерин
Ракета без туалета

«Издательские решения»

Тетерин П.

Ракета без туалета / П. Тетерин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-859390-1

Сборник рассказов. Бытовая фантастика и мистика, люди, технологии и будущее, которое уже завтра может стать реальностью.

ISBN 978-5-44-859390-1

© Тетерин П.
© Издательские решения

Содержание

1. Чёрный ящик	6
2. Вода	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ракета без туалета

Павел Тетерин

© Павел Тетерин, 2017

ISBN 978-5-4485-9390-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Павел Тетерин, Тучково, 2016 г.

1. Чёрный ящик

Я осторожно отодвинул в сторону тяжёлую штору и выглянул в окно. Моросил мелкий, противный дождь – ветер гонял в воздухе облака водяной пыли, обволакивая предметы вокруг, превращая их в зыбкий подводный мир – фонари растекались жёлтым светом в пространстве, облизывая бока влажно поблескивающих туш многоэтажек, раскрашивая тёмный асфальт бликами и переливами света из окон и редких, тусклых витрин. На улице было пустынно – где-то вдалеке монотонно жужжало тысячами моторов шоссе, да редкий пешеход пробежал вдоль домов, стараясь укрыться от всепроникающей влаги. Город тонул в вечернем одиночестве, мокрый, брошенный людьми до утра. Деревья, разметка дороги, сиротливые урны возле пустынных лавочек – всё это фотографической картинкой замерло передо мной, мелко дыша своим особенным, заметным далеко не каждому урбанистическим дыханием.

Из подворотни напротив вдруг вынырнула фигурка велосипедиста в ярком жёлтом дождевике. Разбрызгивая лужи, он пересёк улицу, после чего спрыгнул со своего транспортного средства и подошёл к остановке из прозрачного плекса, понуро примостившейся на обочине пустынной дороги. Он скинул капюшон – под ним оказалась кепка с каким-то знакомым логотипом и собранные сзади в хвост длинные волосы. С четвёртого этажа было трудно разглядеть черты лица – кажется, на нём блеснули прозрачные очки, но больше ничего толком было не разобрать. Человек подошёл к остановке, сделал несколько рыщущих движений влево-вправо, после чего взялся рукой за вертикальную балку, на которой держались листы стенок, и стал внимательно высматривать что-то на мокром плексиглазе. Он стоял так довольно долго, один, под дождём, и меня разобрало любопытство – чем же это он там занят? Я напряг зрение – но увидеть, что же его привлекло, так и не смог. Объявление, что ли, он там какое-то углядел? Странный велосипедист ещё немного потоптался на месте, совершая непонятные движения, после чего вновь запрыгнул обратно на своего железного коня и укатил прочь, с шипением разгоняя по асфальту зеркальные лужи. Улица, словно приоткрывшая один глаз, учуяв человека, проводила его и снова погрузилась в вечернюю дрёму.

Я привыкал к своему новому состоянию. Ещё совсем недавно я мог бы за долю секунды узнать почти всё, что мне было интересно – кто этот человек, что это за лого у него на кепке, сколько стоит этот жёлтый плащ и где ближайшее место, где я мог бы купить себе такой же. И многое, многое другое. Но теперь это было невозможно – и мне приходилось довольствоваться по старинке этой тусклой картинкой и своими догадками – по большому счёту, скорее всего, далёкими от реальности.

Постояв ещё немного, я задёрнул занавески и опустился в большое и мягкое, но старое и довольно потёртое кресло. Квартира была чужая, съёмная – я въехал сюда совсем недавно, и пока абсолютно не успел создать даже хоть какого-то подобия уюта. Голые стены с загибающимися под потолком обоями, дряхлая комбинация из шкафов да резные деревянные часы напротив – вот и все немые спутники моего летящего в никуда в потоке времени корабля.

Напротив, глядя на меня чёрным бельмастым глазом кинескопа, стоял допотопный телевизор. Маленький, пузатый, он больше напоминал аквариум, микроволновку – что угодно, но не волшебное окно в таинственный заэкраный мир. Мир, который был абсолютно не чета тому, с которым мне пришлось расстаться – но когда-то, совсем недавно, человечеству этот ящик с крохотным экраном казался абсолютнейшим чудом. Телевизор, кажется, не работал – но у меня ни разу даже не возникло желания включить его. Если ты хотя бы раз был Подключён, ты больше никогда не согласишься верить ни одной из картинок, которые способен зажечь на своем экране тысячами цветных точек этот генератор лжи. Чего стоили одни только мысли актёров, их внутренние диалоги, замечания – особенно в эротических, или наоборот, яростно патристических сценах. Про новости и прочее я вообще промолчу. Практически ни один человек

на экране не верил в то, что ему приходилось говорить и делать. Дрянной театр, в который могут с головой погружаться только те, кто совершенно не знал, как вся эта начинка производится на самом деле.

Прошла всего неделя, как я снял свою Систему. Мне нечем похвастать за эти дни – мир, раньше горевший вокруг меня тысячами гиперссылок, миллионами гигабайт информации, фонтанирующий идеями, тут же обретавшими реальное воплощение, вдруг резко превратился в свое серое, тусклое подобие. Обескровленный, он молча, скупно разворачивался передо мной, как выжженная пустыня или тюремный карцер – маленький, тесный, до отвращения скучный. Мои глаза, до сих пор не успевшие отвыкнуть от бешеного темпа смены информации, который дарила Система, обшаривали никчемные предметы вокруг, раз за разом натываясь на их тупое, насмешливое молчание. Иногда мне казалось, что я попал в старенький, примитивный квест, в котором какой-то шутник начисто заблокировал все предметы и даже подсказки к ним. Квест без заданий и миссий. Ну а чего я, собственно, хотел?

Всё оборудование теперь было снято, дополнительная память – тоже, но ведь обычная память, моя, обычная человеческая, никуда не делась. Она так же накапливает все эти скриншоты прошлого и эскизы «бликов» – но теперь их нельзя просто перебросить по вай-фай куда тебе вздумается. Она помнит, каким казался мир, когда я был Подключённым. Она знает, что теперь нельзя просто придумать что-то в голове, представить, визуализировать на долю секунды – и ты тут же положишь результат на стол – в виде напечатанных на принтере листов или флэшки с видеофайлом. Но точно так же теперь нельзя взять и вынуть из моей головы какую-то гадость, то, что я всю жизнь хотел забыть, скрыть от окружающих – и разбросать листовками по всему городу – смотрите, смотрите о чём он думает, какая чертовщина, пошлятина, мерзость лезет к нему в голову! Он болен, он порочен, он недостоин – недостоин даже права считаться человеком, раз ему в голову может прийти такая жуткая вещь. Подключённые вряд ли поверят – они знают о том, как это происходит. Но остальные примут всё за чистую монету, можете даже не сомневаться.

Забавно, что совсем недавно мы об этом почти не задумывались. Пока чья-то злая рука не заставила нас открыть глаза, не столкнула носом со всеми выходками собственного подсознания во всех их красе. Не показала, грубо и жестоко – что верить на самом деле никому и ничему нельзя. Даже себе.

Наверное, мы должны быть рады, что Подключение не успело стать абсолютно повальным явлением. Те, кто не мог позволить себе даже базовый пакет, люди, никогда не смотревшие на мир через сетку инфоводов Интерфейса – в общем-то, жили по-прежнему. Принимая на веру всё, что валится в уши из зомбоящиков, но зато не пуская никого в свою голову и не пытаясь лезть в чужую. Прекрасный, архаичный мир, оказавшийся гораздо жизнеспособнее того, к которому нас привел прогресс.

Телефон прозвенел в застывшем воздухе пустой квартиры – резко, требовательно. Я невольно вздрогнул, потому что совсем отвык от этого устаревшего звука – хотя еще лет десять назад он звучал буквально из каждого кармана. Надо привыкать обратно. Теперь только это дряхлое устройство хоть как-то связывает меня с окружающим миром.

Я подошёл к комоду и взял плоский, холодный прямоугольник, вернувшийся в мою жизнь из прошлого. На экране светилась зелёная иконка входящего вызова и имя звонившего. Бывшая жена.

Я медленно нажал кнопку на экране и поднёс трубку к уху.

– Привет – её голос был сухим и деловитым, впрочем – как всегда в последнее время.

– Здравствуй – так же скупко ответил я. Это получилось само собой – на самом деле мне многое хотелось бы ей сказать. Как я скучаю. Как хотел бы, чтобы она вернулась. Но эти слова теперь абсолютно не было смысла произносить.

– Я хотела бы забрать свои книжки – без предисловий начала она. – Они целы?

– Да, конечно – слова были похожи на замороженные овощи из пачки – ровные, аккуратные, но совершенно безвкусные. – Твои книги лежат в коробках, в полном порядке. Как ты их и оставила. Когда ты хочешь за ними заехать?

– Я, пожалуй, пришлю водителя.

Я зачем-то молча покивал головой. Пустая квартира словно смерила меня оценивающим взглядом – ты совсем рехнулся? Кому ты киваешь?

Значит, пришлёт водителя? Ну ладно – подумал я.

– А почему ты не хочешь приехать сама?

– Много работы – она, видимо, решила доиграть роль деловой леди до конца. Или ей и правда совсем не хотелось меня видеть – после всего, что ей пришлось обо мне узнать. Точнее – после того, как ей довелось узнать абсолютно всё, что ей было по-настоящему интересно.

– Ладно – её голос стал суетливым. – Я тогда наберу тебе завтра, договоримся о времени. Не скучай.

– Насть! – я почти крикнул вдогонку, боясь услышать в ответ лишь гудки отключившейся линии, но через секундную паузу я вновь услышал в трубке голос жены. Он неуловимо изменился – теперь в нём отчетливо была слышна тщательно замаскированная боль. Деловая скорлупа треснула и посыпалась острыми, ранящими нас обоих осколками.

– Что, Женя? – едва слышно произнесла она, и я услышал в трубке её дыхание – взволнованное, это чувствовалось даже сквозь разделявшие нас километры.

– Я люблю тебя – с места в карьер ляпнул я, понимая, как это глупо прозвучит. – Может, мы сможем... всё-таки преодолеть это? И сохранить наши отношения... нашу семью?

Она глубоко вздохнула. Молчание, повисшее между нами, нагревалось – я с каждой долей секунды все больше верил, что она может сказать – «да, давай попробуем», но какой-то злой тролль глубоко внутри ухмылялся и уверенно отрицательно качал головой. Даже не считывай, сынок.

Она ещё раз вздохнула в прижатой к уху пластиковой коробочке.

– Я даже не знаю, как это вообще возможно теперь. Ты просто... я... Я никогда не смогу забыть того, чего насмотрелась, перебирая папки твоего Чёрного Ящика. Мне было больно, обидно, противно – я рыдала, заливая слезами всё вокруг, но не могла заставить себя прекратить. Твои эротические фантазии с другими, твои едкие злые комментарии, мысли обо мне... желание ударить, в конце концов. Вообще твоя внутренняя злоба... всё это стало для меня ужасным откровением. Ты совсем не такой, каким казался, и я... и я не смогу никогда этого забыть. Я была бы рада, если можно было вернуться назад и навсегда стереть это всё из головы. Увы, до этого прогресс пока не дошёл.

– Я больше не Подключён – словно услышав свой голос со стороны, произнёс я. – И я никогда не смог бы ударить тебя, ты же понимаешь. Это всего лишь предательская фантазия мозга в состоянии аффекта... – я запнулся, чувствуя, как нелепо и натянуто звучат сейчас мои слова.

– Я понимаю. Да это уже и не важно – горько сказала она. – Я всё равно не смогу выбросить всё это из головы. И потом – я Подключена, Женя. Как и многие другие, моим первым желанием было выбросить всю эту электронную ерунду прочь из головы, но потом... потом я поняла, что уже не смогу по-другому. Да, наверное, теперь мне придётся доживать свою жизнь в одиночестве. Даже если я найду человека, не Подключённого – мысли о том, что скрывается в его голове под шелухой слов и мишурой поступков, не дадут мне спокойно жить. Я буду перехватывать каждый его взгляд на другую женщину, где бы мы не были, и моё сознание будет с упоением, против моей воли, рисовать картины одна неприятнее другой. А это больно. Когда любишь человека, по настоящему, одна такая картинка может вообще лишиться тебя желания жить. Не знаю, может, когда-нибудь мы привыкнем, и станем принимать других действительно такими, какие они есть – в полном, настоящем смысле этих слов. А не тот сладкий самооб-

ман, который стоял за ними раньше. Но я сильно сомневаюсь, что у меня хватит на это сил. Я, наверно, слишком старомодна для этого, как бы абсурдно это не звучало от Подключённой. Поэтому – прости, нам будет легче по одному. Это были прекрасные годы, и я ненавижу того, кто сделал это с нами. И тот день, когда я не сдержалась и залезла в твой Чёрный Ящик. Прости ещё раз. Мы с тобой всё-таки слишком разные – она выпалила последнюю фразу, на одном дыхании, с пробивающимися в голосе слезами, после чего раздался щелчок, и в трубке зазвучал сигнал оборванной связи.

Я, до белых костей сжав смартфон, заставил себя расслабить пальцы и выронил трубку на диван. Тишина, на время разговора недовольно расползшаяся по углам, вновь затопила всё вокруг. Тишина – верный цепной пёс одиночества – теперь крепко поселилась возле меня, обволакивая, баюкая и усыпляя разом.

Ну да, мы разные. Это всегда было понятно. Просто раньше это была управляемая разница – мы просто поворачивали друг другу те стороны своей личности, которые считали нужным, и они, хоть порой и с трудом, но уживались, а теперь... теперь это было совершенно невозможно. Точнее возможно... если ты ни разу не ступал на эту тропу. Если ты не Подключён, или смог сдержать себя от соблазна посмотреть те файлы, которые человек показывать никому не хотел ни за что.

Вообще, конечно, это вот общение, словами, по телефону, теперь казалось какой-то издёвкой. Наш брак рухнул, как и тысячи таких же по всему миру. Счастливые деньки семей, в которых оба супруга были Подключены, после Откровения (так стали называть тот злополучный день, когда неизвестный вирус взломал Систему), были сочтены. Как только на наших интерфейсах, в профилях окружающих нас людей появился тот злополучный пульсирующий красный флажок с насмешливой пометкой «Чёрный Ящик» – часовой механизм был запущен. Как бы ты не берёг чужое личное пространство, как бы не относился уважительно к тайнам другого человека. Залезть в голову к любимому – да и не только любимому – человеку оказалось слишком серьёзным соблазном. Кто-то срывался сразу, кто-то – открывал по пьяни, кто-то после ссоры, в отместку... а дальнейшее было почти всегда одинаковым. И даже у тех, кто ничем не запятнал свою супружескую репутацию, почти не оставалось шансов. Дурацкие ассоциации, какие-то шальные мысли, флэш-картинки, возникающие во время ссор, да в конце концов, скрины памяти от просмотренных порносайтов – всё это огромной массой падало на чашу весов, с противоположной стороны которых – свадебный фотоальбом и супружеская клятва верности, которая теперь не стоила ничего. Людям пришлось по-настоящему узнать своего близкого таким, какой он есть, со всем его забитым мертвецами шкафом – и к этому не был готов практически никто.

Наша история была банальной. У нас была хорошая семья. Мы... просто любили друг друга. Это не была история любви, достойной поэмы или романтической новеллы, не что-то с бурей страстей и эмоций... Просто чувства двух хорошо подходящих друг другу людей. С маленькими радостями, теплыми моментами – всё, как у обычный нормальной пары. Мы ссорились, мирились... иногда ревновали, не очень сильно... а потом просто молча работали бок о бок в нашей квартире, например. Думая каждый о своих делах, не мешая друг другу, а потом за вечерней чашкой чая обсуждали произошедшее за день. Делали друг другу подарки.

Такие, например, как комплект Подключённого на мой прошлый день рождения. Она правда хотела сделать мне приятно и помочь в работе. На какое то время так и получилось...

А потом ты оказываешься лицом к лицу с человеком, которого, как только что выяснилось, ты совсем не знал. Вы сидите в комнате, друг напротив друга, и молчите, стараясь спрятать глаза. Говорить не хочется – слова теперь ничто – так, опавшие листья, плавающие на поверхности протухшего пруда, кишашего зубастыми гадами в своих зловонных недрах. После того, как ты заглянул этим гадам в глаза, почувствовал на своей коже их липкие лапы – думать о красоте плавающих сверху листьев серьёзно нет никакой возможности. И уже

неважно – смотрите ли вы друг на друга сквозь живую, постоянно меняющуюся сетку инфоводов Интерфейса. Или просто смотрите, тем, старым зрением. Потом это уже не имеет никакого значения. Ты уже узнал о человеке слишком много, разом превысив лимит максимально допустимой информации. Количество правды, несовместимое с совместной жизнью – такой присказкой некоторые характеризовали то, что тогда произошло.

Нам, что самое грустное, и скрывать-то было особо нечего. У обоих – пара рабочих интрижек, ничего серьёзного. Накопленные обиды после разборок. Гигабайты немых комментариев, грубых иногда, понятное дело, какие-то мимолётные фантазии о других мужчинах и женщинах... Я холерик – и в ссорах мне не раз хотелось ударить её... и понятно, треклятое воображение рисовало это, а Система исправно сохраняла эти чёртовы образы... Но ведь я ни разу не ударил, и никогда не ударил бы! А то, что она смогла увидеть это в моей голове – ещё не значит, что я мог бы так сделать! И так почти со всем, что она смогла пролистать – но всё вместе это рождало ощущение такой грязи, такого обмана, что даже находиться рядом теперь было невыносимо тяжело. Мы расстались – молча, не задавая вопросов, стараясь не множить и без того бескрайнее море затопившей нас лжи.

Для Подключённых наступили дни одиночества. Многие тогда заканчивали жизнь самоубийством, кто-то удалял систему, отключался, кто-то – просто бросал всех близких людей и запирался в комнате, пытаясь переосмыслить всё происходящее. Пытаясь хоть как-то справиться со всей этой оцифрованной вселенной собственного подсознания. Это была ирония – люди, в головах которых был весь мир – пытались убежать и от него, и от себя, всё глубже погружаясь в пучину невиданного доселе одиночества.

Нет, мир вокруг-то не рухнул – заводы работали, варвары по прежнему ковали металл и штамповали из пластмассы необходимые нам вещи и предметы быта, производили пищу... А те, кто творил, создавал так называемый «контент», рождал какие-то идеи «из воздуха» – в самом начале стали чуть ли не подобны богам, но потом смогли испытать на себе нечто... нечто вроде ощущений салюта, может быть? Когда звучит грохот, мир расцветает сотнями красок – но в следующий момент всё превращается в пепел. Мёртвый, оседающий бесформенными хлопьями на землю в крошечной темноте.

Я, чувствуя разбежавшуюся по телу слабость, на ватных ногах пробрёл в комнату и рухнул на диван, зарывшись в разбросанные на нём подушки. За окном мелко застучал по отливам набирающий силу дождь – и я был благодарен этому звуку, старавшемуся в меру своих скромных сил хоть как-то скрасить моё уныние.

Вдруг в комнате раздалась ещё одна, совсем другая трель. Незнакомой мне птичкой жизнерадостно запиликал дверной звонок.

Точно, я ведь заказывал пиццу. Я уже и забыл об этом. Чувствуя себя двухсотлетним стариком, я нашарил на холодном полу изношенные тапочки и пошаркал к входной двери. Задав дежурный вопрос и услышав такой же дежурный ответ курьера, я снял цепочку и открыл замок.

Курьер оказался молодым пухлым парнем лет двадцати.

– Здравствуйте! – чуть запыхавшись, выпалил он с порога. – Вы простите, погода ни к чёрту! – затараторил он. – Скользко, аварии одна на другой, сами знаете, народ ездить не умеет – он виновато развел руками, словно оправдываясь за всех незадачливых водителей сразу. – С вас девятьсот двадцать рублей.

Кивнув, я полез в задний карман джинсов за деньгами.

Он стоял в дверном проёме, вытянувшись по струнке, словно боец каких-то особых розовощёких войск – румяный, довольный и беззаботный поросёнок, и смотрел на меня круглыми, не замутнёнными взрослой тоской глазами ребёнка. Он, наверное, закончит смену, снимет эту дурацкую кепку, наденет потрёпанные кеды и куртку, и отправится, например, на свидание с любимой девушкой, с которой встречается всего пару месяцев, познакомившись парой

недель ранее в вузе. Она бросится ему на шею, будет смотреть на него любящими глазами, он – на неё, такими же... И они будут по детски, глупо и поверхностно счастливы, не отягощенные ни нелепыми знаниями друг о друге, ни детьми или бытовухой... Две чистых флэшки, лежащие на одной витрине в магазине и случайно соприкоснувшиеся хлястиками.

А я останусь сидеть тут в кресле, жевать безвкусную, остывшую пиццу и смотреть на мёртвый, халтурный рисунок обоев. перед моим носом. Который – не поверите – и в этот раз ничем меня не удивит.

– Простите, но это только сто рублей – голос курьера вернул меня к реальности.

– А? Что? – не поняв, о чём он, рассеянно переспросил я.

– Ну... – курьер будто бы немного смутился. – Вы, наверное, перепутали купюры – он глазами указал на зажатую в моей руке сторублёвку.

– Ах да, простите... – спохватился я. – Как неловко.

– Да ничего страшного – отмахнулся курьер, взял из моих рук новую купюру и протянул мне две плоских квадратных коробки. – Там соусы, салфетки, всё внутри. Приятного аппетита – и он бросил на коробки взгляд, по которому можно было сделать вывод, что он и сам был бы не прочь полакомиться их содержимым.

– Спасибо... – я рассеянно кивнул и только хотел закрыть дверь, как курьер добавил ещё одну фразу.

– Да вы не волнуйтесь так. Всё будет хорошо! – вдруг участливо сказал он, убирая деньги в нагрудный карман.

Меня вдруг словно окатили холодной водой. Неприятное ощущение волной прокатилось по телу, заставив сердце биться сильнее – и я уставился на него злым, колючим взглядом.

– Ты что, Подключён? – в лоб спросил я, исподлобья сверля его глазами. – Пробил уже меня по базе, везде свой нос розовый сунул, да? Отвечай!

Парень заморгал и замер, на мгновение перестав рыться в карманах – будто бы и не понимая вовсе, о чём я говорю. Круглые глаза наполнились обидой и возмущением. Я не отводил взгляд – но кажется, он и правда сначала даже не понял, о чём речь.

– Я – что? Подключён? Что вы такое говорите, как вам не стыдно? Я просто... просто подумал что вы выглядите грустным... и хотел как-то вас подбодрить... – он, изменившись в лице, выудил из кармана несколько смятых бумажек и протянул мне сдачу. – Приятного аппетита – холодно добавил он и, резко развернувшись, исчез в полутьме плохо освещённого подъезда.

– Простите, пожалуйста – крикнул я в дышащий на меня тёмной, затхлой сыростью подъезд, но ответа не последовало. Ну вот. Обидел парня, на пустом месте. И как я мог подумать? Откуда, в конце концов, у курьера деньги на Систему, подумал бы головой сначала, старый дурак.

Я, испытывая жгучее чувство стыда, захлопнул дверь и проковылял обратно в пустую холодную комнату. Мне было неловко – всё таки он выглядел таким искренним, честным... а с другой стороны, кому как не мне понимать, что эта внешняя искренность ровным счётом ничего не стоит. Может, он был геем, уже успевшим пару раз прокрутить в своей розовой голове отвратительную ленту с моим участием, может, он был... да кем угодно. А может – он правда видел что я расстроен, и хотел хоть как-то меня подбодрить. Я, испытывая отвращение с кислым привкусом жалости к себе, рухнул в кресло, швырнув коробки с пиццей на стоящий рядом облупленный журнальный столик. Есть совсем расхотелось.

Никогда теперь я не смогу верить людям, никому, ни одной идее, ни одному слову... Но самое грустное, что и тому потоку информации, что гонит воображение и внутренний диалог – тоже верить нельзя ни на грамм.

Певец, например, может петь трогательнейшую песню о любви и высоких чувствах, а сам думать о том, что нестерпимо хочет срать, например. Или о сиськах блондинки из первого

ряда. Или о чём угодно другом – но ведь люди не хотят, чтобы это было понятно окружающим. После Откровения все публичные люди снимали Систему сразу же – но печаль в том, что в интерфейсах оставшихся Подключёнными по прежнему возле каждого попавшего в поле зрения висела ссылка с папкой «Чёрный Ящик». Гигантское досье со всей памятью с момента рождения. И то, что в ней больше не появлялось ничего нового, было совершенно не важно. Информации, чтобы раз и навсегда разочароваться в любом человеке, хватало просто за глаза.

Я придвинул к себе коробки с пищей и открыл одну наугад. Из под крышки вырвалось облачко пара – она и правда даже не успела остыть. Я оторвал кусок и начал медленно жевать его, почти не чувствуя вкуса. Ощущения во рту были такими же, как всё вокруг – серыми и какими-то не теми. Всё было как-то не так. Мысли в голове – которые больше не фиксировались, рождались себе и умирали, как раньше. Плыли каким-то своим, наверное, только Богу понятным течением, огибая меня, слово одинокий остров, иногда прибываясь к берегу и цепляясь ненадолго, чтобы потом всё-таки исчезнуть навсегда.

Как же так могло выйти? Хотя, конечно, это ведь случилось с нами всеми не сразу, не за один день. Не одним событием, и не двумя. Поначалу всё казалось таким рывком вперёд, развитием, шагом с большой буквы – вот оно, настоящее будущее, получите, распишитесь... И пусть мы никуда не полетели – нам и не нужно никуда лететь, настоящий космос внутри нас, вы только посмотрите... Но потом чья-то рука – злого гения, или, может быть, наоборот, бога? – расставила всё по местам.

Я, понемногу отходя от визита курьера, поудобнее устроился в кресле и, в очередной раз откнувшись взглядом в голую стену передо мной, погрузился в бестолковые раздумья о происходящем вокруг.

Первые смартфоны появились около тридцати лет назад. Я начинаю именно с них, потому что считаю, что именно оттуда потянуло первым холодком, первым запахом надвигающегося коллапса – но тогда об этом не задумывался почти никто. Информационный узел затягивался – социальные сети, непрерывные словесные и фото отчёты о каждом своём шаге, будь то фотогенично сваленная на тарелке еда или луки с путешествий по другим странам – неважно, человек с самоупоеанием цифровал себя и сгружал всё это в головы другим, таким же – с готовностью распахнувшим створки своих мозгов со страничек всевозможных соцсетей. И другим это нравилось, и они отвечали взаимностью – процесс нёсся, как снежный ком.

Революция случилась в 2022 году. Корпорация выпустила уникальный, но несколько настораживающий продукт. Персональную OS. Которая ставится непосредственно на вашу собственную нервную систему. Не нужно больше нервно сжимать норовящий выскользнуть коммуникатор в потных ладонях. Вы больше не уроните его в унитаз или сливную решётку канализации на улице. Не надо заряжать его, забывать в машине, разбивать об пол. Не надо искать на заляпанных кофе клавиатурах горячие клавиши или быстрые комбинации. Теперь весь ваш любимый интерфейс всегда с вами. Он висит вокруг вас в пространстве, заметный только вам – проецируемый непосредственно на сетчатку глаза.

И управляющийся мысленно. Можно управлять прямо в режиме онлайн, для большей концентрации – всего лишь прикрой глаза. Это было серьёзным рывком науки вперёд, но я никогда особо не вникал в техническую сторону процесса, ограничившись лишь парой статей в интернете.

Одна небольшая опасность – вмешательство в нервную систему, но какая это мелочь в сравнении с открывающимися возможностями! Всё, что происходит с тобой, пишется в двух форматах – текст и видеоряд. Ты можешь найти любой разговор, состоявшийся пять лет назад, и пересмотреть его – причем поисковику достаточно любой, хоть немного запомнившейся детали. Ничего из информационного потока теперь не исчезает бесследно. Чтобы сделать хорошее фото, достаточно задержать взгляд на понравившемся кадре – и картинка упадёт на флэш-память. Набрать текст? Легче лёгкого – просто набери его в голове. И он готов.

Для людей творческих открывался мир поистине невообразимых возможностей. У вас бывало такое, что вы взяли, придумали и посмотрели в голове фильм? Вот те, у кого бывало – теперь могли скинуть этот фильм в почти готовом варианте буквально сразу же. Простой, доступный способ – из головы – на бумагу, плёнку, да на что угодно. Всё, что состояло по сути своей из единичек и ноликов – теперь было безгранично доступно всем, кто Подключился. Их было нетрудно узнать, этих людей – у них в руках не было смартфонов. А ещё они могли как будто задуматься о чём-то прямо посреди разговора, замереть с отсутствующим взглядом... а потом вернуться обратно, как ни в чём не бывало. Сообщив тебе информацию, которую ты только что изо всех сил пытался вспомнить, но никак не мог. Или показав детальный и точный эскиз предмета, о котором вы только что разговаривали. Предмета, который вы видели впервые в жизни – ведь ещё несколько секунд назад он был просто словами, родившимися у одного из вас в голове.

Редкие, но отчётливые голоса скептиков потонули в гуле всеобщего одобрения, и «Подключение» рванулось в массы. За жалкие пять лет проект разросся до уровня глобальной, охватывающей почти десять процентов населения планеты сети – и вы же понимаете, что это были за десять процентов? Все сильные мира сего, у кого в руках находились какие бы то ни было «кнопки», «бразды» или «ниточки» – естественно, вошли в этот список, погрузившись в систему с головой в прямом и переносном смысле этого слова.

Мы все были Подключены.

Мне, как я уже говорил, Подключение подарила жена. Это давно стало традицией, со незапамятных времен, ещё с третьего айфона – всякий раз на день рождения я получал новенький гаджет. Это было удобно и практично. А Настя старалась быть в курсе всех последних новинок, она вообще старалась держать по ветру нос в мире гаджетов. Поэтому я стал буквально одним из первых сотен пользователей. Помню, как она поделилась со мной этой идеей. Мы практически не обсуждали опасности и побочные эффекты столь серьёзного вмешательства в функционирование организма – даже удивительно. Настолько всё казалось надёжным и не вызывающим никаких беспокойств.

Процедура не была болезненной или сложной – всё напоминало обычный поход к стоматологу. Система и монтировалась как раз вместо обычного зуба или зубного протеза – крохотный модуль вмещал в себя преобразователь, процессор и память. По сути, это же просто компьютер. Компактный, суперсовременный и сверхмощный.

Тогда я работал дизайнером в архитектурной компании, и распахнувшиеся передо мной возможности просто снесли мне крышу. Моя работа заключалась именно в том, чтобы переносить из головы на бумагу графику – чертежи жилых домов и прочих строительных объектов. Теперь я делал это «в уме». Просто лёжа на диване. Потом было надо лишь немного подправить то, что получилось, в обычном редакторе, и всё. Моя продуктивность взлетела до небес, зарплата, соответственно, тоже вышла на новый уровень. Я был счастлив и чувствовал себя сверх-человеком – да я, собственно и был им. Барьеров между замыслом и его реализацией больше не существовало. От слова до результата проходило иногда меньше суток – кем, как не Богом, я должен был себя ощущать?

Всё новые и новые люди открывали для себя прелести работы со своим сознанием напрямую. Интернет просто фонтанировал Подключившимися людьми и их творчеством. На этом фоне как-то даже странно было слышать про связанные с Системой самоубийства – некоторые, осознав, что Подключаются так поздно – просто сочли все годы жизни до этого безнадежно утраченным временем. Психам показалось, что прошлого нет – и за плечами только чёрное, бездонное забвение – и они не выдержали утраты. Ведь теперь для каждого Подключённого прошлое – упорядоченный, аккуратно складированный архив, доступный, как на ладони. Много было разных безумств.

Но я психом не был. Меня просто захватила волна новых возможностей. Я давно поигрывал на гитаре – и имел несколько музыкальных зарисовок, которым хотел дать какую-то жизнь. Надо было идти на студию, искать звукооператора, музыкантов... это большой и нелёгкий труд, на который так непросто найти время в обычной жизни. А Подключённым... я три вечера просидел на диване с закрытыми глазами, разбираясь с интерфейсом и функциями, и альбом был готов. Со всеми аранжировками, партиями, музыкантами, даже клипами – сумбурными, но всё же... Я просто придумал всё – и продумал, до мелочей. Теперь это был жёсткий диск с большим архивом никогда не существовавшей в реальной жизни группы – и мне было плевать, что он никуда не пойдёт. Я выполнил то, о чём давно мечтал – и этого мне было вполне достаточно.

Казалось, что барьеров просто нет. Я как и многие, только начинал осознавать развернувшийся передо мной океан возможностей, как вдруг на нас обрушилось то, что потом назовут «Днём откровения».

Все встретили его по разному. Я свой помню очень хорошо до сих пор.

Это была пятница, тот самый замечательный рабочий день перед выходными. Мы получили крупный заказ, и в офисе царил восторженно приподнятое настроение, материализовавшееся в воздухе в идею сгонять в ближайший магазин за шампанским. Слово не разошлось с делом, и вот уже мы сидели вокруг большого стола для переговоров и смотрели друг на друга через свои интерфейсы – нарядные, креативные, с румяными от выпитого алкоголя щеками и горящими глазами.

Передо мной сидела Алина – красивая, выразительная брюнетка, работавшая у нас не так давно – всего где-то пару месяцев. Вся свободная мужская половина офиса уже опробовала свои чары, предлагая ей кто встречу, кто поход в кино, но все, увы, потерпели неудачу. Алина, оборотисто улыбаясь, мягко, но уверенно отказала всем ухажёрам. Я же, будучи человеком женатым, от откровенных знаков внимания воздержался – но иной раз скользнуть взглядом по точёной фигурке-то никто не запретит. Да и она – как мне казалось – проявляет ко мне чуть более повышенное внимание.

Справа от Алины развалился Семён – толстый, большой и всем всегда довольный сотрудник графического отдела. Складывалось такое ощущение, что весь он слеплен из какого-то очень мягкого и податливого материала, в принципе неспособного хранить жесткую форму и какие-либо углы. Нос картошкой, уши – варениками – губы, как сардельки – любая часть его облика неизменно вызвала гастрономические ассоциации. Семён, как и все, пытавшийся подкатить к Алине, совершенно не обламывался от постоянных отказов и время от времени как ни в чём не бывало продолжал засыпать её знаками внимания, подчас довольно нелепыми.

Напротив них сидела Аня, худенькая секретарша, увлечённо разглядывая свои новые ногти, а чуть поодаль от неё, вытянувшись, словно статуя, расположилась Виолина Фёдоровна – начальница нашего небольшого отдела. Она была значительно постарше, чем основные сотрудники офиса, да ещё и занимала руководящую должность – поэтому старалась вести себя сухо и держать дистанцию, хоть изредка и её, как я уже знал, порой пробивало на какое-то озорство. Видимо, ей тоже хотелось так же, как и всем, тусоваться в офисе и жить полной жизнью коллектива, но субординация не позволяла. Неподалеку от неё увязли в глубоких креслах для клиентов Артём и Егор – похожие, словно братья, художники-дизайнеры, работавшие через небольшую перегородку от меня.

– Так вот, дорогая моя Алиночка – нависнув своей гастрономической, из одних округлостей, массой над краем стула, гудел Алине на ухо Семён. – Я ж про что хотел сказать? Ведь всё это такие условности, ну согласись. Люди живут, меняются, умнеют, толстеют, худеют, потом ещё умнеют, а иногда наоборот – глупеют. Каждый день меняются. И это процесс непрерывный. А параллельно – присматриваются друг к другу, осторожничают, выбирают, так сказать, спутника – и потом решают – всё, выбрал. А процесс изменений-то не останавливается. Кого

ты, спрашивается выбрал? Моё сегодняшнее состояние? Так я уже завтра совсем другой буду. Похудею, или накачаюсь вон, как Шварценеггер – откуда тебе знать, а?

Алина прыснула и поставила на стол высокий фужер с искрящейся жидкостью.

– Отличная попытка, Семён – она кокетливо склонила голову набок, обнажив в улыбке жемчужные зубы. – Ты сначала накачайся, как Шварценеггер, а там посмотрим.

– Ну я накачаюсь, ты на мне женишься, а я за медовый месяц опять отъемся – не унился Семён. – Какой смысл? Глубже надо смотреть, дорогая моя, глубже. В самую суть человека, в его базовое, основное. Потому как если ты там что-то рассмотрел и с этим основным в диалог вступить смог – тут тебе и ключик ко всему остальному. И к привычкам, и к внешности, и к приоритетам.

– Складно ты, Семён, стелешь – вмешалась в разговор Виолина Фёдоровна. Она допивала уже третий фужер шампанского и происходящее вокруг явно становилась для неё всё интереснее и интереснее. – Так-то вроде всё очень ровно звучит... только Алиночка наша что-то никак не проникнется, да?

– Да уж... – Семён картинно махнул рукой. – Алинка вообще пропащий вариант. Красавица, каких мало, а внутренним глазом, душой, на людей смотреть не хочет. Всё как-то сверху да сверху – он на мгновение о чём-то задумался, его толстые губы поползли в улыбке. – Ладно. Это я так, просто мысли вслух.

– Семён – Алина осторожно, словно он был стеклянный, погладила его по плечу. Лицо сделалось серьёзным, но в глазах плясали озорные огоньки. – Я буду смотреть, правда. И – как только разгляжу в тебе то самое, основное – я тут же соглашусь пойти с тобой на свидание. Договорились?

Семён, довольный как слон, замахал руками, изо всех сил делая вид, что он вовсе не это имел в виду.

– Да я же это так, к слову просто. Гипотетически, в общем.

– А что-то в этом есть! – подхватила Виолина Фёдоровна, глядя на Семёна как-то особенно, не как обычно. – Семён, а ты сам-то – смотришь вглубь? Или так, только болтаешь об этом?

– Смотрю, конечно – важно парировал Семён. – Только так и смотрю... и потому, наверное всё ещё один.

– Ну, а во мне? – перешла в откровенное наступление начальница. – Во мне, например, ты не видишь того самого, главного? – по её виду было совершенно непонятно – говорит она всерьёз или хочет просто повеселиться. Семён, явно не готовый к такому повороту, да ещё и в разговоре с боссом, смутился и покраснел, как рак.

– Виолина Фёдоровна – с чувством сказал он. – Вы – замечательнейший человек, кто же спорит. Но я – человек подчинённый, субординацию – соблюдаю, поэтому...

– Ладно, ладно, можешь не отчитываться – засмеялась Виолина Фёдоровна. – Всё понятно, можно без подробностей. Я так, шучу.

Семён, смущённый, озирался по сторонам, будто бы ища поддержки у окружающих. Своим видом он теперь напоминал рыбака, вдруг неожиданно каким-то образом поменявшегося местами с рыбой.

– А давайте-ка наполним бокалы – вдруг вмешалась в разговор Аня, оставившая наконец в покое свои ногти. – Семён, наливай!

– Конечно! – засуетился Семён, явно обрадовавшийся возможности сменить тему. Он ловко подхватил со стола еще не початую бутылку и с легким хлопком открыл её. Новая порция шампанского заструилась по бокалам под одобрительные возгласы собравшихся.

Я, с любопытством разглядывая своих коллег, откровенно наслаждался происходящим. Мне нравились такие вот моменты – когда рабочие вопросы отходят на задний план, темы шуток меняются, люди открываются друг перед другом. У нас подобрался интересный кол-

лектив – и мне нравилось наблюдать за тем, как развиваются внутренние отношения. Наверное, во мне умер психолог. Я чокнулся с остальными и отпил приятно горячее шампанское из фужера. Поставил стакан на стол, на мгновение задержал взгляд на стоящей рядом бутылке – тут же рядом побежала информационная строка – цена, информация о бренде, отзывы критиков, где купить. Я отключил эту становящуюся порой навязчивой опцию и вернулся к происходящему в офисе.

Кто-то сделал музыку громче, кто-то другой – чуть приглушил свет, оставив только низко склонившие головы к столешницам настольные лампы. У меня выдалась довольно напряжённая неделя, поэтому я, ощущая накопившуюся усталость, сегодня предпочёл выбрать скорее наблюдательную позицию. Появилось еще несколько человек из бухгалтерии – тусовка разбилась новыми людьми и стала набирать обороты.

– А ты чего это сегодня такой грустный? – я повернул голову и увидел Аню, секретаршу. Вообще она представлялась мне довольно скромной, хоть и симпатичной особой. В воздухе, рядом с её улыбающимся лицом тут же повисли заметные только мне все её персональные данные и информация соцсетей, в которых она состояла. Краем глаза отметив довольно откровенные для такой скромницы фотографии, я бегло поставил ей несколько лайков и улыбнулся.

– Да ничего я не грустный, Ань. Просто... хочется, не знаю, спокойного какого-то, что ли, веселья. Всё нормально, не переживай.

– Я и не переживаю – она под села на подлокотник дивана, в котором я пригрел себе местечко.

Я смотрел на неё сверху вниз. Инфоводы – тоненькие полоски с постоянными ссылками – кружились вокруг неё, словно маленькие насекомые. Выдавая мне массу информации – сейчас я почти не блокировал ничего, наслаждаясь этим потоком. Помада – Dior Extensive, последняя коллекция. Стиль мейкапа – фьюжн, причёска – парикмахерская CityStyle, вот и ссылка на её другие работы. И многое, многое другое – стоило лишь мысленно перемещаться по ссылкам и они начинали расцветать новыми веточками подробностей.

В этот момент что-то внезапно стрельнуло у меня в районе ушной раковины. Я дернулся от неожиданности, но ощущение было очень резким и каким-то оборванным – тут же исчезло, словно ничего и не было. И приложил руку к уху и начал озадаченно тереть его, пытаюсь понять, что же это было такое.

– Что с тобой? – спросила Аня, продолжая нависать надо мной.

– Не знаю... – я продолжал недоуменно тереть ухо ладонью. – Кольнуло что-то... наверное, нервное. Надо отдохнуть как следует. Или ещё выпить – я в один глоток допил плескавшееся на дне фужера шампанское.

– Хочешь, я принесу тебе ещё бокальчик?

– Если тебя не затруднит – мне было приятно её внимание, хоть и на самом деле сейчас я предпочёл бы побыть в одиночестве.

Она повернулась и медленно, как-то излишне покачивая бедрами, двинулась в сторону импровизированного бара, который мы устроили на столе для переговоров.

И в этот момент я увидел новую ссылку, которую раньше не замечал. Она светилась ярко-красным флажком, выбивающимся из основного стиля моего Интерфейса – я сам настраивал цвета в пастельных тонах и не заметить эту ссылку раньше не мог.

Папка, несмотря на свой вопиюще красный цвет, называлась при этом, как ни странно, «Чёрный Ящик».

Не задумавшись, я открыл её... и первое, с чем я столкнулся, был её внутренний диалог. Он был издевательски оформлен в виде окошка онлайн-радио – там даже стояла какая-то частота, но главное было не в этом.

...ничего, он посмотрит, я сейчас принесу шампанское, а там сяду поближе... тогда-то он точно отреагирует. Главное, чтобы Баклажан себе не напридумывал лишнего...

Я сначала даже не понял, что это было. Меня осенило буквально через доли секунды – но ещё раньше я успел понять вещь более простую – все эти шаги ко мне только для того, чтобы обратить на себя внимание... Семёна! И Баклажан – это я. Не, это было сказано абсолютно беззлобно, но меня задело – почему блин, Баклажан? Ответ пришёл очень быстро – оказалось, это всего лишь из за одной из моих рубашек, в которой я однажды пришёл на работу – но, блин, Баклажан?! Терпеть не могу баклажаны.

Алкоголь бурлил в крови, и я, отреагировав на этот чёртов баклажан, даже не понял самого главного. Я сидел на кресле, почти ничего не соображая, и переводил взгляд с одного на другого, щёлкая на злополучный красный флажок. Мозг был замутнён, и я перестал сообщать, что на самом деле происходит – картинки, всплывавшие перед внутренним взором, были неожиданные, шокирующие, в ушах стоял гвалт внутренних диалогов – но тогда я был почти уверен, что это всего лишь галлюцинации отравленного алкоголем мозга. Я пролистал «чёрные ящики» всех своих коллег – поверхностно, всего чуть-чуть... но этого было вполне достаточно. Увиденное и услышанное повергло меня в шок... О чём то я, конечно, догадывался – например, о бурном воображении моего босса – но некоторые вещи представить себе я совершенно не мог. Я встал с кресла и, чуть пошатываясь, пошёл к окну, чуть не столкнувшись с ней по пути. Она посмотрела на меня – каким-то совсем новым, необычным взглядом – и в этот момент я понял, что папка «Чёрный Ящик» появилась и у меня. Волна неприятного предчувствия пробежала по телу. Я не мог в это поверить, но у меня продолжало бормотать внутренне радио моей коллеги – и сейчас я слушал прямую трансляцию мыслей, теперь продолжавшуюся из уборной. Заплетающимся языком вещавшей какую-то мешанину из Баклажана, Семёна и что-то насчет предмета женской гигиены, с которым она никак не могла справиться. Я свернул окно – и бормотание прекратилось.

Аня вернулась через несколько минут – улыбаясь, с двумя бокалами шампанского... но вид у неё был какой-то задумчивый. Она поставила бокалы передо мной на журнальный столик, и наши взгляды встретились.

– Всё в порядке? – как-то неуверенно спросила она.

– Ну да... Баклажан в порядке – ответил я и по-идиотски хихикнул.

Она изменилась в лице. Внимательно посмотрела на меня, после чего на секунду прикрыла глаза. Мне в очередной раз стало не по себе.

– Извини, я наверное, пойду – я встал с дивана, рассеянно обшаривая взглядом пространство вокруг – ничего ли не выпало из карманов. Стараясь не глядеть на Аню, я попросился и направился к выходу, но в коридоре опять внезапно наткнулся на свою начальницу. Она остановилась прямо напротив меня, привалившись к стене.

– Я не знаю, конечно, что это было... – чуть заплетающимся языком игриво произнесла она. – Мы... мы что, посмотрели вглубь? – она вопросительно подняла бровь. Её «Чёрный ящик», такой же ядовито-красный, моргнул, обновляясь – но я не хотел заглядывать туда ещё раз. Не хотел знать, что на самом деле стояло за этим вопросом. Она оказалась разрываема сотнями самых противоречивых желаний, и мне... мне не хотелось больше ничего про них знать.

– Мне... мне что-то нездоровится – невнятно промямлил я. Начальница чуть прикрыла глаза – и я с ужасом понял, что она-то как раз не отказала себе в возможности посмотреть, что в действительности скрывал мой ответ. Мне только что залезли в голову – а я даже не почувствовал этого. Словно я и мои мысли теперь – совершенно не связанные между собой вещи. От этого ощущения стало по настоящему страшно.

Виолина Фёдоровна открыла глаза и чуть заметно кивнула. Её взгляд похолодел и стал... немного насмешливым?

– Ну бывает – с легким сожалением сказала она. – Надеюсь, ваше состояние не помешает вам выйти завтра на работу?

– Будьте уверены – уже пробираясь мимо, стараясь не оборачиваться, пробормотал я. –
Всё по расписанию.

Но по расписанию не получилось. На следующий день мне было плохо, как никогда. Наряду с обычным похмельем от шампанского – чертова газированное пойло – я испытывал ещё один, до этого дня незнакомый мне тип похмелья – информационное. Мне было физически плохо от того, что мне довелось узнать. Я не хотел ничего знать о тяжёлом детстве своей начальницы и о том, как теперь оно меняло её восприятие мира. О её мыслях на мой счёт. Об этом чёртовом баклажане и всех этих фантазиях. Слава богу, я не успел много посмотреть – но мне было достаточно.

Из офиса я уволился через три дня. Не став даже забирать своих вещей и какие-то там зарплатные огрызки. Я, честно говоря, не думаю, что там остался хоть кто-то из прежних сотрудников. Ходить и громко молчать целый день в одном помещении было невыносимо. А раскрывать рот и говорить о чём-то было просто глупо.

Ещё через пару дней чертова программа, вирус – или что это было – добрался и до моей семьи. Всё случилось быстро и даже как-то обыденно, что ли. Она посмотрела «в меня» после мелкой семейной стычки. Всё произошло сухо и немногословно – было бы совершенно нелепо устраивать грандиозные словесные перепалки в нашем положении, согласитесь? Скуповывив друг другу на прощание что-то вроде «нам надо во всем разобраться», мы распрощались прямо на пороге новой квартиры, совсем недавно купленной для того, чтобы всерьёз заняться продолжением рода.

Я забился в эту квартиру в полном одиночества отчаянии, пытаюсь хоть как-то собрать мысли в кучу. Всё катилось как снежный ком – я переваривал гигабайты информации, ненужной, мозг подхватывал её, плодил образы дальше – и вся эта каша оседала и оседала на носителе моего мозга мрачным, давящим, бесполезным балластом.

Следующее открытие, которое мне пришлось совершить – чертова папка появлялась не только в режиме реального времени. Всегда, когда ты был в сети, любое изображение человека мгновенно распознавалось и снабжалось соответствующим контентом.

Политики, священнослужители, артисты, да се публичные люди – столкнулись с жуткой и практически непреодолимой проблемой. Все их слова, действия, поступки меркли перед открывшейся людям абсурдной мешаниной их внутреннего диалога. Вы думаете, в голове у попа, например, только свет, ладан и церковное смирение? Как бы не так. Весь религиозный пафос, все высокие высказывания меркли перед шквалом информации, который порождал поход в баню с девчонками накануне или просмотр порнухи на айпэде в салоне «рабочей» машины бизнес-класса. И теперь это могли посмотреть все. Ну, или не все. Те, кто были Подключены. Но их было достаточно. Особенно если учесть, что каждому Подключённому слить информацию в любую из архаичных социальных сетей – дело минуты. Посидеть с остеклевшим взглядом, словно статуя, в своем удобном рабочем месте, мысленно двигая курсором по виртуальному интерфейсу.

Мало кому в голову приходила мысль о том, что главный враг, с которым мы столкнёмся – это информация. Информация, которую рождали наши собственные мысли – как оказалось, совершенно нам неподконтрольные.

Писатели и мыслители прошлого живописали сценарии гибели от ядерного оружия, от эпидемий, глобального потепления, метеоритов, взрыва солнца... – но мало кто подозревал, что нас по настоящему раздавит информацией – субстанцией, которую все здравомыслящие люди без оговорок считали абсолютным добром. Мы копили её и собирали – и считали, что делали правильно, до самого последнего момента.

Пока нам не довелось ткнуться в неё носом, да так сильно, что мы и представить себе не могли. Подобно радже из мультика про золотую антилопу, мы, наверное, могли успеть вскрикнуть – «Довольно!» – но увы, упустили этот момент.

А потом всё превратилось в черепки. Причём всё абсолютно. Черепками стали мы сами, воздух вокруг, всё – и было невозможно сказать, где закончится эта черепичная вселенная и закончится ли она вообще.

Мысли. Мысли человека сыграли злую шутку. Ведь если задуматься, как мало отражает суть человека то, что он говорит? Почти не отражает. Человек часто говорит то что надо, то, что соответствует моменту, то, что ждут от него, в конце концов. А то, что он при этом думает – полный мрак. Который, к большому несчастью для человечества, совершенно случайно получилось достать и придать ему чёткую аудиовизуальную форму. Потому что теперь мысленный аудиоряд – внутренний голос, если хотите – записывался в отдельную папку. В контракте на подключение был пункт об отключении этой опции – но какой дурак, скажите, стал бы отключать её? Когда всё, что ты подумал – тут же пишется, да ещё и в нескольких форматах – аудио и текстовом? Не надо больше набирать заметки и чёркать на полях. По тэгам ты всегда найдёшь любую информацию, с которой когда либо сталкивался.

Поэтому, наверное, неудивительно, что мы шагнули в эту ловушку ногой, не задумываясь. Люди творческие словно сорвались с цепи, воплощая все свои самые безумные идеи, такими, какими они их видят, без чьих-то советов и «своеобразных прочтений». На какое-то время все погрузились в эйфорию, раскрыв рты наблюдая словно разорвавшуюся бомбу всевозможного творчества. Миллиарды гигабайт информации прибывали каждую секунду на выросшие до астрономических возможностей цифровые носители, немалая часть которых теперь размещалась в головах у людей. Но внезапно эту плотину прорвало.

Я смог провести в нашей новой квартире всего месяц, потом съехал с нее к чертям. Только что обустроенное семейное гнёздышко счастливой пары угнетало и давило – наша семья умерла, а ребёнок, о котором мы столько говорили в последнее время... Хоть он так и не родился, но... В коридоре стояла коляска, в углу спальни валялись какие-то розовые покрывала... В спальне уже была кровать. Ребёнок, только что всего лишь запланированный нами, ещё не возникший в реальном мире, не ставший даже несколькими сцелированными клетками – обрёл вполне реальное воплощение в моём сознании. Настя, женщина очень целеустремлённая, решила подойти к делу серьёзно, не рассматривая возможность неудачи – и теперь весь дом был завален самым разнообразным детским барахлом. Да и я уже всюду свыкся с тем, что скоро у нас будет малыш. Я видел его как наяву – маленького, розовощекого, упитанного карапуза... но в следующий момент проклятое воображение напоминало мне, что его нет – причём самыми разными способами. Мне стал мерещиться детский плач, мелкие детские шажки по комнатам... в общем, это был кошмар. Я бросил квартиру и сбежал из неё, как из дома с привидениями. Жить в квартире, где ты видел повсюду ребёнка, умершего так и не родившись – это оказалось выше моих сил. Я почувствовал, что у меня начинает съезжать крыша.

Стучаться к друзьям или каким-то близким людям совсем не хотелось. Можно было позвонить родителям, они-то точно не оказались в лапах взбесившегося цифрового вампира – но сама мысль о том, что могло открыть их подсознание, если бы они были в Системе, приводила меня в ужас. Говорить ни с кем не хотелось – тем более что интернет и так гудел миллионами голосов, не замолкавших ни на секунду.

Забавным проблеском в этом состоянии для меня стала случайно дошедшая информация о том, что Семён и Алина таки начали встречаться. Удивительно, но им кажется, действительно удалось взглянуть достаточно глубоко. И они не испугались этой глубины. Здорово, что тут можно сказать. Я порадовался за ребят... но наполнить позитивом полностью разрушенную собственную жизнь эта новость увы, не могла.

В какой-то из череды дней, задушенных тёмными шторами, такой же, как и прочие, мрачный, влажный и липкий, когда сон и бодрствование смешиваются в какую-то безвкусную, однообразную кашу, я понял, что больше не выдержу так. Снять Систему оказалось не труднее, чем

поставить – но вот убрать последствия, то, что уже успело осесть в моей, собственной голове – за это никто, оказывается, браться не собирался. Было даже немного забавно слушать от менеджера компании (явно только-только покинувшего стены вуза юнца) несвязный лепет насчёт того, что в голову к другому человеку, увы, не залезть и что мысли и эмоции так и остаются для людей одной из величайших загадок. Забрав какие-то деньги, оставленные в залог оборудования, я вышел в мир. Серый, потухший, неприветливый – встретивший меня надменным безмолвием. Я лишился работы, любимого человека, и полностью разочаровался абсолютно во всём, что касалось людей и их слов.

И вот теперь – эта съёмная квартира. Холодная пицца, медленно, но неумолимо уменьшающаяся цифра на банковском счету и... и что дальше? Стремительный спуск в самый низ социальной иерархии? Но к этому я был не готов – мне всё-таки, как ни крути, хотелось жить. Надо было что-то срочно предпринимать.

В кухне, на старом, замусоленном холодильнике, покрытом мелким янтарём прилетевшего с плиты и навеки застывшего там жира, я обнаружил какой-то журнал для путешественников. Читать печатный текст было приятно и успокаивающе – особенно не художественную литературу, архаичную разновидность «чёрного ящика» человека, а обзоры путешественников. На тридцать седьмой странице я нашёл небольшую статейку о жизни вдоль Транссибирской магистрали – и из всех статей в этом журнале почему-то именно она привлекла моё наибольшее внимание. Материал сопровождался массой красочных фотографий – занесённые снегом избы, уходящие в точку на горизонте белоснежные санные дороги, прикрытые со всех сторон вековым лесом... Что-то колыхнулось в душе. Корни моих предков уходили в Сибирь, а мысли покинуть мегаполис уже не раз появлялись в моей голове за этот период бесцельного шатания по пустой, неприветливой квартире.

Ленивое, праздное и изнывающее от жары туристическое существование жарких стран отчего-то совсем не привлекало меня, а вот Сибирь... место, где неизбежно требовался какой-то весьма солидный минимум силы духа – кажется, было как раз то, что нужно. Я достаточно наваялся на диване за эти несколько месяцев, и смена обстановки мне была совершенно необходима. За окном стояла поздняя осень — а это означало, что в Сибири уже наверняка всю хозяйничала зима. То есть шанс увидеть все как на картинках с того самого журнала был очень высок. Не облезлые деревья и жирные лужи под ногами, а искрящийся белый снег и величественные, скованные морозом сопки, покрытые смешанным лесом.

Воспользовавшись обычным древним интернетом я, просидев два дня на почте и уткнувшись в допотопный замызганный компьютер, нашёл-таки работу, которую искал. Стационарный смотритель на железнодорожном перегоне станции «Зима – 5». Вы, наверное, подумаете, что я сошёл с ума – но я был стопроцентно уверен, что нашёл именно то, что мне было нужно. Я набрал указанный в объявлении номер и сказал, что крайне заинтересован в этой вакансии – мне только надо добраться к вам из Москвы. Человек на том конце провода, кажется, изрядно удивился – вряд ли они предполагали увидеть на этой должности кого-то из столицы, но согласился придержать это место для меня несколько дней.

Сборы не заняли слишком много времени. Собственно, они не заняли его абсолютно. Я просто встал, оделся, взял все документы, покидал все первые попавшиеся под руку вещи и отправился на железнодорожный вокзал. Купил билет на ближайший поезд, и уже через несколько часов сидел в купе, слушая успокаивающий перестук тяжёлых стальных колёс с отполированными рельсами. За окном непрерывной лентой бежали виды Подмосковья – сырые, серые и однообразные, станции с полустанками, кирпичные дачи и скучающие на переездах дачники. Внутренний диалог города, вдогонку пытающегося что-то сообщить мне сквозь мокрое стекло вагона.

– Можно? – раздвижная дверь с шумом откатилась в сторону, и на пороге купе возник крупный мужчина в плаще, костюме-тройке и с чемоданом в руках. На голове у него красовалась смешная кепка-аэродром из какого-то черного меха.

Я кивнул и выдавил из себя улыбку. Ну конечно можно, у вас ведь билеты на руках. Чего меня спрашивать. Мужчина ввалился внутрь, закинул на верхнюю полку свой багаж, после чего снял плащ и кепку, аккуратно пристроив их на вешалку возле дверей. Разобравшись с вещами, он осторожно присел за столик напротив меня.

– Евгений Витальевич – он протянул мне большую широкую ладонь.

– Евгений Витальевич – я пожал руку, и на секунду в воздухе повисла тишина – мужчина непонимающе смотрел на меня, после чего мы оба рассмеялись. Обстановка в купе сразу стала как-то теплее.

– Вон как? – прогудел мой новый попутчик. – Тёзка, значит? А фамилия, часом, не Савельев? А то мало ли, может, вообще с двойником еду?

Я покачал головой и слабо улыбнулся.

– Ну и ладно. Куда путь держите?

Я туманно ответил что-то насчет желания познакомиться с внутренней красотой сибирских земель, и мой попутчик энергично закивал.

– Да, у нас там красиво. Тут-то – он брезгливо махнул рукой в сторону окна – многие думают – ну что Сибирь, холод, медведи, а на самом деле пока не съездишь, не поймёшь ничего – и он пустился в рассказы о том, чего можно повидать в его родных краях. То, что он – сибиряк, было как-то и так сразу понятно, но теперь в этом не осталось ни малейших сомнений. Он говорил громко, с чувством – и было видно, что он действительно любит свой родной край всей душой, и это было очень заразительно – я и так особо не сомневался в сделанном мной выборе, но теперь совершенно окончательно убедился в том, что всё происходящее – правильно. Слова попутчика рождали в голове величественные картины – они, конечно, очень походили на те фотографии из журнала, но я знал – нет, скорее чувствовал – что в жизни всё окажется намного круче. Попутчик оказался довольно приятный – я несколько месяцев избегал людей, и, по правде сказать, ужасно боялся оказаться в тесном купе с кем-то, кто вдруг решил бы излить мне свою душу. Но Евгений Витальевич оказался отличным аудио-дополнением к статье про Сибирь, а не очередным распахнутым до дна ящиком души – и это было замечательно. Я расслабился, слушая его, и смотрел в окно, изредка кивая и хмыкая там, где это было нужно.

Три дня в поезде прошли довольно быстро. Кому-то кажется, что это невыносимо долгий срок – но поверьте, так кажется только тем, кто сам ни разу не пробовал совершить такое путешествие. Мы тепло попрощались с тёзкой на перроне – он долго тряс мою руку, после чего, решив, что этого недостаточно, крепко обнял. Но и этого видимо, ему было недостаточно – он снял с запястья и сунул мне в руки узкий браслет из бересты с выжженным на нём тонкой вязью узором.

– Это наши, Алтайские духи здесь спрятаны – заговорщически понизив голос, сказал он мне. – Будут беречь тебя от всяких напастей. Ну, бывай, Жень. Приятно было познакомиться – и, подхватив чемодан, он бодро зашагал прочь, прижимая правой рукой свой смешной соболиный аэродром, спасая его от налетающего порывами морозного ветра. Я проводил его взглядом, поплотнее запахнул куртку, оказавшуюся все же слегка не по погоде, и отправился на поиски автовокзала. Как это не удивительно, но до железнодорожной станции «Зима-5» добраться можно было только на автомобиле.

Автовокзал оказался небольшой площадью с рассыпанными по ней палатками с различной снедью, а автобус – небольшим праворульным минивэном с прилепленным изнутри листком а-четыре, на котором маркером был нарисован номер маршрута. Убедившись, что я точно попаду по назначению, я вдруг понял, что изрядно проголодался – и решил потратить оставши-

еся до отправления минуты на какой-нибудь перекус. Мой выбор упал на небольшую палатку, в которой за прилавком ловко орудовала восточного вида женщина. «Бурятские позы» – значилось в меню, явно не стремившемся поразить клиента своим разнообразием. Я выбрал порцию поз с говядиной – и был поражен, насколько вкусными оказались эти самые «позы». Казалось бы, обычные пельмени – но это было так сочно и с душой сделано, что я взял ещё одну порцию с собой, которую съел тут же, как только мы тронулись. Наверное, благодаря позам (а может быть, начали действовать духи из браслета) я почти сразу же уснул, свернувшись калачиком на велюровом диване.

Мы прибыли затемно. Набрав сохранённый в памяти номер телефона, я узнал, как именно добраться до домика станционного смотрителя. Нужно было пройти ещё несколько километров пешком или ловить машину, но я решил прогуляться. Воздух был пронзительно свеж, природа вокруг затаилась в ночном безмолвии, и я брёл по тропинке, выдыхая пар и слушая, как недовольно скрипит под ногами потревоженный мной снег. Дорога, подпёртая по краям грузно развалившимися срубами частных домов, почти не освещалась – лишь изредка на истоптанный снег падала полоска света из убранного занавесками окна. Я шёл, не встречая никого на пути, время от времени поглядывая на эти уютные оазисы света, пока избы не кончились – и теперь дорога бежала через редкий подлесок, который через несколько километров уступил место вынырнувшей слева насыпи с несколькими парами рельс. Парень, у которого я спросил дорогу, говорил, что тут не ошибёшься, поэтому я смело шагал вперёд, наслаждаясь ночным лесом и чистым тёмным небом над головой.

Домик станционного смотрителя оказался небольшим бревенчатым строением, стоящим в нескольких метрах от железнодорожных путей. Я громко потопал на крыльце, сбивая с ботинок налипший снег, после чего постучал в дверь.

Смотритель оказался плотным коренастым мужиком с бородой, прячущейся в свитере с высоким воротом – настоящий сибиряк. Он с любопытством разглядывал меня, стоя на пороге избы, окутанный клубами вырвавшегося вслед пара.

– Сменщик, значит? – он лукаво подкрутил ус и посторонился, пропуская меня внутрь. – Из самой Москвы, слышали?

– Из неё самой – улыбнулся я, проходя внутрь.

Внутри оказалось жарко натоплено и пахло тем самым суровым терпким запахом, сопровождавшим обычно жилища настоящих работяг – смесью табака, пота, теплой одежды, грубой кожи кирзовых сапог и незамысловатой рабочей еды. Смотритель брякнул на грубый стол большую чумазую кружку и сел напротив, продолжая с интересом рассматривать меня.

– И чёй-то тебе в Москве не жилось? – не обнаружив, видимо в моем облике чего-то снимающего все вопросы, спросил он. – У нас вон вся молодежь только и думает, чтобы куда-нибудь туда – он махнул рукой куда-то в противоположную сторону – ... податься, на заработки, мир посмотреть, легкой жизни сыскать. А ты вон обратно двинулся.

Я отхлебнул из кружки крепкий горячий чай и пожал плечами.

– Да, надоело всё – просто, не вдаваясь в подробности, ответил я. – Пожил, легкой жизни поискал... а теперь не хочу. Корни у меня сибирские, вот, видимо, и заговорила кровь, попросилась, так сказать, в родные края. Хорошо же у вас тут.

Мужик довольно крякнул – ему явно понравился мой ответ.

– Ну коли корни, значит, так и должно быть. Правильно все. Звать-то тебя как?

– Женя – представился я.

– А меня Анатолий Семёныч. Можно просто дядя Толя. Значит так, Женя. Я сейчас до хаты двину – меня давно уже жена ждёт. Сегодня работы уже быть не должно. Поезда все проходящие до двенадцати дня – делать ничего не надо. Поэтому ты осваивайся, располагайся – а я утром подъеду и дела тебе передам. Вон там – он кивнул на примостившийся в углу умывальник – телефон висит на стене, если что. Мало ли чего приключиться может – ты звони,

не стесняйся, в любое время, помогу чем смогу, да и подъеду если что, я тут неподалеку живу. Чай, не в Москве – и он лукаво подмигнул мне. Видимо, его очень забавлял тот факт, что я проделал такой путь, чтобы занять вакансию его сменщика.

– В общем – продолжил дядя Толя – утром подъеду, там и решим что да как у нас будет. А ты пока освойся, поспи, так сказать на новом месте, свыкнись. Дрова вон есть, вода тоже, ночь без проблем пройдет, я думаю. По рукам?

Я согласно кивнул. Дядя Толя, кажется, неплохой мужик, но я с удовольствием сейчас остался бы один. Я был благодарен ему за такую возможность.

– Ну всё, бывай – он ловко подхватил со стены шубу, завернулся в неё и замер на мгновение на пороге. – До завтра.

– До завтра – уже практически вдогонку сказал я, после чего дверь, дохнув в комнату облаком морозного пара, закрылась, оставив меня одного в моем новом жилище.

Я снял обувь и вытянулся на мягкой, широкой койке, закинув руки за голову и глядя в потолок из грубо обструганных досок. Уютно потрескивала печь, за окном ворочался ветер, изредка бросая пригоршни снега в покрытые инеем небольшие окна, и впервые за несколько месяцев я почувствовал себя спокойно. Бешеный темп последних месяцев моей жизни, перегретые сумасшедшим темпом роста информации мозги словно кто-то опустил в большую чашу с охлажденным обезболивающим. Город, набитый людьми со своими «чёрными ящиками», информационным безумием и ритмом теперь казался чем-то надуманным и нереальным. Я сам не заметил, как провалился в сон.

Спалось на новом месте отлично. Наверное, сказалось всё – и усталость от проделанной дороги, и чистый, свежий воздух с легким ароматом угля, и удачно съеденные на станции позы. Даже периодически пролетавшие прямо за стеной домика поезда никак не нарушали моего покоя. Печь, правда, к утру потухла и помещение изрядно остыло, но это не помешало мне крепко выспаться. Проснувшись как никогда бодрым и отдохнувшим, я умылся ледяной водой из умывальника, растопил огонь по новой и начал разбирать вещи. Через некоторое время пришёл дядя Толя, и я начал осваивать нехитрую работу станционного смотрителя.

Через два часа инструктаж был окончен. Теперь мне было известно всё, что я должен был делать, где брать еду и воду, как включается автомат, если вдруг выбьет пробки, ну и куда звонить, если какие-то неполадки всё-таки приключатся. Работа, как я и предполагал, была совершенно примитивной. Дядя Толя, убедившись, что я не глуп и всё, скорее всего, сделаю правильно, тут же поспешил обратно домой, заговорщически намекнув, что жена мол-де соскучилась за эту затянувшуюся вахту без сменщика и теперь настойчиво требует его дома. Я, признаться, даже испытал легкое чувство зависти, но задерживать «коллегу», спешащего домой по такой уважительной причине, не посмел. Мы тепло простились, и я приступил к своим новым обязанностям.

Так началась моя новая жизнь в амплу станционного смотрителя.

Моё психологическое состояние почти сразу же стало улучшаться. В городе я чувствовал себя насекомым, зажатым в одной из крохотной ячейки гигантской сетки, а здесь... здесь все было пропитано размеренностью, вечным, неспешным ритмом природы. И этот ритм втягивал меня, подчинял себе.

Я работал, занимался хозяйством, а по вечерам вырезал из сосновых поленьев разные фигурки, составляя их на широкий, грубый подоконник – просто так, для себя. Путь от фантазии до её воплощения теперь был опять отнюдь не маленьким – но меня всё абсолютно устраивало.

Работа, при всей её монотонности и однообразии, доставляла мне неподдельное удовольствие. Поезда, заснеженные, в клубах колючей снежной пыли, чудовищами из другого мира проносились мимо, свирепо гремя колёсами, а я, закутанный в огромный меховой бушлат, стоял рядом, сжимая нужный флажок, и лишь провожал их взглядом. Окна вагонов сливались

в размазанное световое пятно, стирая границы между лицами находящихся внутри людей, превращая их безликую аморфную массу, один размытый организм... Мне нравилось, что поезда почти никогда не останавливались на моем полустанке – я знал, что мимо меня проносятся сотни судеб, сотни набитых тараканами голов, тысячи и тысячи мыслей – но они пролетали мимо, не трогая меня и мою душу. Я, пусть и немного, помогал людям добраться до места следования, оставаясь в тени, не замеченный никем – и это было прекрасно. Только один раз подвыпивший пассажир что-то проорал мне, пролетая мимо – но я не разобрал слов. Грохот и лязг стихал, ветер уносил снежную пыль, и я снова оставался один – наедине с моей избушкой, лесом, снегом и горами вокруг.

Дни бежали один за другим, похожие, однообразные – но теперь я совершенно иначе ощущал себя. Дни были как песчинки на пляже – каждая сама по себе вроде бы и не важна, не представляет абсолютно никакой ценности – но все вместе они рождали нечто совершенно другое – величественное, значимое и самодостаточное.

В один из таких дней я, проснувшись и сделав себе привычный крепкий кофе (запасы зёрен подходили к концу, надо будет пополнить их в ближайшее время), одел свою тепловую броню и приготовился совершать утренний обход стрелок на доверенном мне участке. Я открыл дверь на улицу и замер от неожиданности.

Неподалеку, метрах в пятидесяти, на тропинке, ведущий к посёлку, стояла девушка. На ней был яркий жёлтый пуховик, резко бривший в глаза на фоне ослепительно белого снега. Она стояла, совершенно не двигаясь, и напряжённо рассматривала что-то в заснеженных кронах деревьев.

Я тоже застыл на месте, совершенно не зная, как поступить – настолько непривычно было видеть тут ещё кого-то, кроме меня и моего сменщика.

Встряхнувшись от оцепенения, я захлопнул дверь и осторожно, будто опасаясь спугнуть, направился к ней. Она стояла спиной и как будто вовсе и не замечала меня, по прежнему увлечённо вглядываясь куда то вверх.

Не доходя пару шагов, я остановился и снова замер.

– Простите – наконец выдавил я из себя. – Вы... – я вдруг понял, что совсем не придумал, что сказать дальше, но мне и не пришлось.

– Тсс!... – зашипела она, даже не обернувшись. – Не шуми.

Я тут же замолк и задрал голову вверх, пытаюсь рассмотреть, что же так увлекло её в голых, покрытых летевшим от поездов снегом ветвях.

– Вон, смотри – он показала куда-то вверх рукой в яркой оранжевой варежке. – Смотри, как белка хозяйничает смешно.

Я пригляделся и увидел на одной из веток, довольно высоко, маленький рыжий комочек меха. Белка вертелась вокруг себя, пытаюсь что-то сделать, но что именно, разобрать было почти невозможно.

– Она там еду припрятала, точно. А теперь отцепить, кажется, не может. Вот дурёха! – и она повернулась ко мне.

В этот момент я смог бегло разглядеть свою внезапную гостью, если её можно было так назвать. Высокая, примерно моего роста, она внимательно смотрела на меня большими карими глазами, в которых где-то глубоко внутри плясали озорные искорки.

Она была красива – но не той глянцевого, отполированной красотой, которой ослепляют нас с обложек журналов и рекламных щитов. Во всем её облике – в каштановых волосах, беспорядочно выбивающихся за под синтетического меха капюшона, глазах, аккуратных линиях лица – светилась какая-то глубинная, непорочная и не избалованная красота. Я, только сейчас осознав, что вообще не видел женщин уже несколько месяцев, смотрел и смотрел во все глаза на стоявшую передо мной как ни в чём не бывало девушку. Надеюсь, она не подумает чего-нибудь не того – мелькнула в голове не очень приятная мысль.

– Ну, чего ты уставился? – она лукаво улыбнулась, обнажив белые ровные зубы. Казалось, она в такой ситуации не в первый раз.

– Меня Марина зовут.

– А... – продолжая чувствовать себя полным идиотом, выдавил из себя я.

– А меня Евгений... Ну то есть Женя. Можно называть. Вот – и я протянул ей руку, сняв перед этим большую меховую рукавицу.

– Привет – она улыбнулась и ответила на рукопожатие – её ладошка была узкой и холодной, но все равно меня словно ударило током, когда я сжал её в своей руке.

– Какой-то ты странный – добавила она и обезоруживающе улыбнулась.

– Я —то? Ну да... – вместо того, чтобы смутиться ещё больше, я наоборот, почувствовал себя увереннее. Ишь ты, какая деловая нашлась.

– Ты тоже странная – парируя её выпад, ответил я. – Чего это ты тут в лесу одна делаешь? И откуда вообще ты свалилась?

– Я не свалилась! – деланно обиделась она. – Я просто гуляю тут иногда. А живу в деревне, отсюда километров пять пешком.

– И ты сюда пешком дошла? – изумился я.

– Ну да – она пожала плечами. – А что тут такого? Далеко, что ли? Ты посмотри, как красиво вокруг. Идешь себе и не замечаешь, как время летит.

– Ну да – с сомнением согласился я. – Ты не замёрзла случайно? – я повернулся и зачем-то пространно указал на своё засыпанное снегом жилище. – Если хочешь, я могу напоить тебя чаем.

– Не... – она решительно мотнула головой. – Я к кому попало в гости не пойду.

Меня почему-то жутко зацепили её последние слова.

– Почему это к кому попало? – я обиженно посмотрел на неё. – Я тут, вообще-то, официально работаю станционным смотрителем. И, между прочим, могу тебя попросить тут не шлындать. Имею право по службе, так сказать.

– Ишь какой деловой, имеет он право – она хитро улыбнулась. – А дядя Толя где?

– Ну, отдыхает, наверное. Сегодня я дежурю.

– Понятно... – протянула незнакомка, но по её хитрому выражению лица было件нятно, что она явно что-то недоговаривает. Но через минуту она сдала себя:

– Так это ты, значит, из Москвы приехал?

После этих слов я более-менее понял, что происходит. Деревня небольшая, слухи, наверное, быстро расходятся. Вот и решила Марина, видимо, проверить, что это за странный новый смотритель. Что ж, теперь件нятно.

– Да, я. Ладно, ты тут давай рассматривай свою белку, а мне надо обход делать. – после чего, отвесив церемониальный поклон, я обогнул её и направился к путям. Через пару десятков шагов я обернулся и увидел, что она продолжает с любопытством наблюдать за мной. – Ты только это, на рельсы лезть не вздумай, окей? А то жалко будет такую красоту-то... по шпалам собирать.

Она вздрогнула и широко распахнула глаза.

– Ты чего такое говоришь-то, а? Дурак! Я тут, между прочим, давно хожу и не хуже тебя всё знаю. Понял?

– Ну ладно – ладно... – примирительно улыбаясь, сказал я, после чего повернулся и пошёл прочь, довольный произведённым эффектом. А то пришла тут, деловая такая. Свалилась как снег на голову.

Но когда я обернулся, Марины больше не было. Не было и белки – или, по крайней мере, мне она показываться не торопилась. Я, честно признаться, расстроился – в череде рабочих дней я как-то и не задумывался о том, что успел соскучиться по людям, по звукам человеческого голоса. Это было хорошим знаком.

Хотя... может, мне хотелось услышать именно этот голос?

Ближайшие два дня прошли в обычных делах и заботах... Но этот жёлтый пуховик, карие глаза и насмешливый голосок не выходили у меня из головы. Я как —то даже не мог сформулировать, что такого меня зацепило и почему... но почему-то был уверен, что она обязательно появится ещё. И чутьё не подвело меня.

Она появилась так же внезапно, как и в прошлый раз. Даже круче — я отбивал пешней намерзший на стрелке за ночь снег, как вдруг сзади, совсем рядом, раздался знакомый голосок.

— Помощь не нужна?

Я вздрогнул от неожиданности и чуть не съездил приваренным к лому топором себе по валенку, после чего повернулся и увидел тот самый жёлтый пуховик. Она была похожа на огромного веселого цыпленка, невесть откуда свалившегося в эти занесённые снегом величественные холмы.

— Чуть не напугала... — постарался нахмуриться я. — И какая тут от тебя помощь, милая? Да ты вмиг умаешься ломом махать, а больше работы никакой нет.

Она ехидно прищурилась.

— Ну куда там! У нас тут женщины знаешь, какие есть? Покруче ваших столичных дохляков будут. Сами и воду носят, и дрова...

...и в горящую избу вбегут, и коня на бегу остановят. — не сдержав улыбки, закончил я за неё фразу. — Да в курсе я. Что ещё?

— Умный очень, да? — она продолжала рассматривать меня в упор, взгляд её так и полыхал огоньками.

— Да вроде не дурак — я с любопытством ждал, чем же закончится эта трогательная перепалка. Она, видимо, тоже решила не спешить, уперла руки в бока и продолжала светиться передо мной ярким жёлтым пятном, готовым поспорить с самим солнцем.

— Ладно — я не стал дожидаться её следующей реплики. — Мне работать надо. А ты давай иди белок рассматривай, ну или зачем ты там пришла.

— А я не за белками! — последовала мгновенная реакция. — Я, может, насчёт чая передумала?

Я усмехнулся в успешную изрядно отрасти с момента приезда сюда бороду.

— Ну подожди тогда немного — и я снова принялся откалывать ледяные наросты. Она молча ждала рядом — и я, надо признать, управился довольно быстро. Я тоже хотел попить чай со своей новой гостьей, чего уж там лукавить.

Мы прекрасно попили чай, поболтали, потом сходили проверили нашу белку, и с тех пор Марина стала появляться у меня в гостях регулярно.

Мы подружились. Дружба эта была странной, но назвать это как-то иначе у меня, хоть убей, не получалось. Она заглядывала ко мне раз или два в неделю — сначала за обледеневшим окошком появлялось размытое жёлтое пятно, а через несколько секунд раздавался тихий стук в дверь — два удара и еще два, как кукушка. Я громко, что есть мочи, орал «открыто!», пытаюсь проткнуть звуком толстые бревенчатые стены, и она появлялась на пороге моего жилища, окутанная морозом и клубами холодного воздуха, жадно врывавшегося в натопленный бревенчатый сруб. Мы пили чай, бродили по лесу в свободные от дежурства часы, разговаривали. Я был рад появлению в моей жизни такого приятеля и очень дорожил нашим общением. Мы говорили о разном — и я потихоньку узнавал много нового о месте, в котором мне теперь приходилось жить.

Оказалось, что вокруг станции есть несколько охотничьих зимников, в это время года, как ни странно, стоявших пустыми. Мы условились как-нибудь остановиться в одном из них — так, просто для того чтобы разнообразить наши встречи.

И вот в один из дней, мы, вдоволь набродившись по лесу, мы решили наконец осуществить этот план. На станцию вот-вот должен был приехать новый сменщик, на душе было

легко и беззаботно, поэтому мы выбрали ближайший к нам приземистый домик и ввалились в него, словно захватчики, собирающиеся всего лишь вероломно согреться, и только.

Я принёс дров и растопил большую грубую кирпичную печь, Марина достала взятый с собой из дома термос и выставила на стол из едва обструганных досок баночку с вареньем и свёрток с бутербродами. А также вывалила на большие, широкие топчаны несколько теплых пледов. Мы съели бутерброды, после чего укутались в пледы и сели по лавкам друг напротив друга.

Печь набирала обороты, пламя мощно и ровно гудело в топке, и до нас, завернутых, словно личинки бабочек, стали потихоньку доходить волны тепла, расслабляющего и приносящего с собой сонное, домашнее умиротворение.

– Ну... – внезапно нарушив дремотную тишину, сказала Марина. – И почему ты вдруг сбежал из Москвы?

Вопрос – такой, по сути, ожидаемый – совершенно застал меня врасплох. Я вдруг понял, что мы ни разу не касались этой темы, что само по себе было довольно странно. Наверное, Марина выбирала для этого подходящий момент – и, наконец, решилась.

А почему я, собственно, сбежал из Москвы? Москва тут была ведь совершенно не при чем. Я бежал от себя. И что самое удивительное – у меня, кажется, получилось. Ну или получилось создать самому себе такую иллюзию. Перед глазами молниеносно пронёсся калейдоскоп картинок прошлой жизни – новая квартира, Настя, офис, заказы... интерфейс Подключённого и треклятая ядовито красная иконка, «висящая» в воздухе на расстоянии вытянутой руки. Я вздохнул.

– Ты правда хочешь знать?

– Конечно – она смотрела на меня в упор, карие глаза, в которых всегда светилась хоть маленькая толика озорства, были сейчас совершенно серьёзны и как-то особенно глубоки.

– Ты убил кого-нибудь?

Вопрос был настолько нелепым, что я рассмеялся, сразу же немного расслабившись.

– Конечно нет, ты что? – я бросил на неё укоризненный взгляд. – Ты что, всё это время думала, что общаешься с убийцей?

– Фу, ну слава богу – она расслабилась. – Ну а что тогда, рассказывай давай, мне жутко интересно.

Я задумчиво почесал изрядно отросшую бороду. Рассказывать всё? Ну а с другой стороны, рассказав ей всё, я сам, может быть, смогу лучше разобраться в причинах своего добровольного побега?

– Ну ладно – я поёрзал на топчане, поудобнее устраиваясь. Во рту вдруг пересохло – что это, я волнуюсь? Я промочил горло успевшим немного остыть чаем из термоса.

– Ты знаешь, что такое Подключение?

Марина, превратившаяся в живое воплощение любопытства, энергично помотала головой.

– Ну... я что то такое слышала... но точно не знаю. У нас тут такого нет.

«И слава богу» – автоматически подумал я про себя. – Тогда слушай.

И я начал рассказ. Она слушала очень внимательно, с вытянутым от удивления лицом, лишь изредка перебивая меня. Когда я закончил первую часть – не рассказывая про появление «чёрного ящика», она вдруг встала и прошла по комнате, потягиваясь.

– Это всё ужасно интересно – смешно делая акцент на букву «ж», сказала она. Но мне так трудно представить, как же то, о чём ты говоришь, выглядит по настоящему – она обезоруживающе улыбнулась и пожала плечами. Жест вышел бесконечно милый – захотелось обнять её и взъерошить волосы, например.

– Ну... блин – я замялся. – Ну вот представь... А, вот – я нашёл пример, пусть и странный. – Знаешь, был фильм такой, Терминатор? Древний – древний. Видела?

– Конечно, видела. С Арнольдом Шварценеггером, да?

– Ну да – она так произнесла его имя, что я почувствовал что-то вроде ревности и сам удивился этому чувству. – Так вот. Помнишь, там иногда показывали, как он видит. Он смотрел, всё было красное и у него такая строка бежала – описание всего. Видела?

– Ну да – снова сказала она и покивала головой. – У тебя тоже, что ли, всё красное было?

– Да не. У меня всё было нормальное. А вот строка – точнее, она была не одна, а много – как настроишь – была похожая. Тоже сразу описывается всё. Только без задания убить Джона Коннора. Только описания, информация. Ссылки. Адреса магазинов. Всё, что только может понадобиться человеку, любая информация. понимаешь теперь?

Марина приснула и бросила на меня озорной взгляд.

– Ты, если честно, не очень похож на Терминатора.

Это было понятно и так, но я вдруг опять ощутил дурацкий укол ревности к Шварценеггеру.

– Спасибо, что напомнила – съязвил я.

– Так у тебя было задание? – то ли в шутку, то ли всерьёз спросила Марина.

– Да – решив подыграть, серьёзно ответил я.

– Какое?

Я выдержал небольшую паузу и так же серьёзно сказал:

– Жить. И быть хорошим человеком.

Она, видимо, не ожидав такого ответа, приснула.

– И что ты, не справился?

Этот вопрос, произнесённый веселым, почти детским голосом, вдруг словно ножом полоснул меня. Да, я не справился. Я ведь и правда не справился. Все вокруг говорят – мысль материальна, работай над своим мышлением, мысли позитивно... А кто, спрашивается, справился? Кто из всех этих людей, которых чёртова программа вывернула наизнанку, оказался чистым внутри? Кому ни разу не пришлось в голову взять что-нибудь потяжелее и врезать человеку, который позволил себе, например, нахамить кому-то на пустом месте? Я, увы, не видел таких людей.

Наверное, в истории человечества мог быть только один человек, чей чёрный ящик не содержал внутри зла. Иисус. И то – я бы еще посмотрел на его ссылочку. Внимательно бы посмотрел.

– Ну, чего ты погрустнел? – мелодичный голос Марины вернул меня к реальности. – Мы остановились на Терминаторе.

Я печально улыбнулся.

– Да, помню. Так вот, всё было хорошо и замечательно, пока терминатора не взломали. В какой-то момент – я не знаю до сих пор, кто или что это сделало – внутренний диалог и фантазия перестали быть твоей частной собственностью. Все, кто Подключён, может теперь залезть в голову к другому человеку. Если тот тоже Подключён. Ну или хотя бы был.

– То есть... те, кто были подключены – не могли врать? Так это же хорошо – она смотрела на меня большими распахнутыми глазами.

Я усмехнулся. Какая же она, всё таки... правда, совсем ещё ребёнок. Прекрасный ребёнок, чьи идеальные представления о мире ещё не налетели с размаху на какую-нибудь давно и прочно обосновавшуюся в нашей жизни глыбу обмана, до поры до времени совершенно незаметную.

Воспоминания нахлынули на меня, топча и сметая всю скорлупу, которую мне удалось по крупинцам создать здесь, убежав от большого мира в этот забытый богом заперошенный снегом полустанок. Я пожалел, что мы завели этот разговор.

– Если бы всё было так просто, Мариночка – я потянулся к столу и плеснул себе из термоса чай, немного подумал, формулируя мысль, и продолжил:

– Мы столкнулись с необычной проблемой. То, что немного позже получило название «блик». Фантазия человека ведь работает очень странным способом. Ты замечала, что иногда, когда тебе попадается в поле зрения какой-то предмет, и твой «внутренний голос» как-то комментирует это событие, иногда может произойти какая-то вспышка, секундное представление любого возможно варианта развития событий. Образ... Причём это может касаться предмета, а может нет... я не слишком непонятно говорю?

Марина, до этого внимательно слушавшая меня, чуть склонила голову набок и едва заметно улыбнулась. Её глубокие карие глаза, казалось, смотрели мне прямо в душу – и я был рад, что это было лишь ощущение, домысел, фантазия... и ничего более. Потому что я точно знал, что будет, если посмотреть достаточно глубоко.

– Да нет, всё порядке – она сделала в воздухе неопределённый жест рукой. – Продолжай, я потом спрошу если что.

Я кивнул и отхлебнул из чашки обжигающий чай. Приятное тепло разлилось по телу, умиротворяя, расслабляя натруженные за день мышцы. Раз уж мы затронули эту тему, значит продолжить рассказ придётся. Хоть я уже сильно сомневался, хочу ли я этого.

– Так вот. «Блик». Мимолётная вспышка, видение, образ – называть его можно по-разному. Спроецированная из какого-то неведомого нам хранилища картинка... которую раньше люди могли увидеть своим внутренним взором, а после чего... попытаться воплотить в жизнь. Нарисовать картину. Или сделать скульптуру. А теперь все эти картинки, «блики», легко появлялись, сразу – в удобном, конвертируемом цифровом виде. У кого-то хуже, в форме эскизов и набросков, у кого-то – способного представить сразу много деталей – в форме законченного проекта – будь то чертёж или что угодно еще... Теперь чтобы сделать картину надо было лишь придумать её, чтобы сделать скульптуру... ну, просто перенести её с 3D модели.

По мере того, как я рассказывал, выражение лица Марины менялось несколько раз. Она то восхищенно, словно ребёнок, открывала рот, мечтательно глядя куда-то в никуда, то вдруг мрачнела, поджав губы и прищурившись.

Я говорил, чувствуя, что слова передают лишь малую толику тех эмоций и ощущений, что мне довелось пережить. Я понимал, что приблизительно с ней сейчас происходит – она представляет, какие они... эти картины и скульптуры. И я точно знал, что они совершенно не похожи на те, что я, например, видел. Они какие-то совершенно другие, её, личные – и возможно, намного более прекрасные, чем описанные мной. И если бы она была Подключена – через пятнадцать минут я держал бы в руках рисунки. Её фантазии. Они могли быть похожи на детские рисунки, а могли... они могли быть любимыми. Эти замершие стеклом красивые карие глаза, за которыми сейчас стремительно несётся мысль... Примерно так и выглядели Подключённые, отодвигающие ширмой сознания окружающий мир вокруг, чтобы создать что-то новое, свое.

– Это же прекрасно – после небольшой паузы выдохнула она. – Когда можно... вот так. Я не могу себе это представить, но... например, мне Сашка, кузнец, недавно рассказывал про украшение для жены. И так его описывал и эдак... руками махал, что-то калякал. И я вроде б поняла, но так, примерно. А вчера он меня на рынке подловил, затащил в кузню и показывает – вот, мол, смотри. А там брошь... ну точно как я представляла, веришь? Какой ты, говорю, молодец – а тот довольный стоит, лыба до ушей. А если б мы... ну это, как его, включённые были бы – она вопросительно подняла бровь, но я не дал ей договорить.

– Подключённые – поправил я. – Правильно. Ты могла бы сразу ему показать эту картинку, он тебе – свою, и вы через пять минут уже придумали бы третью, общую для вас двоих.

– Здорово как... – сейчас она выглядела, как человек, впервые увидевший море. Бескрайнюю синюю гладь, красивую и величественную. При этом совершенно не понимая, сколько опасностей может хранить в себе эта стихия. Я усмехнулся.

– Здорово, спору нет. Но «блики» бывают разными. Человек проматывает в голове тысячи сценариев, и часть из них – дверь в тёмные, мрачные уголки души, где страхи, обиды, душевные травмы и комплексы терзают наше сознание, как свора голодных собак. И как ни печально, со временем их становится большая часть.

Она недоверчиво склонила голову набок.

– Ну почему же так? Ведь не так уж много вокруг плохих людей. Ну, по крайней мере у нас.

Я вымученно улыбнулся.

– Знаешь, почти все так думали. Но в памяти каждого накапливались эти «блики». Они – отражение внутреннего диалога. Они – абсолютно чёткие фотографии работы мозга. Они, в конце концов – правда. Но правда каждого отдельно взятого человека. Ведь что такое, по сути, правда? Её же просто не существует. Всё, что мы воспринимаем – только проекция окружающего мира через призму нашей личности. Наши оценки, выводы, любые мысли – продукт, который складывается из уникального набора событий, через которые мы проходим в течении жизни. Согласись, в жизни грудного ребёнка очень много правды? Он вообще не может сказать и даже более того, почувствовать, что ему лгут. В нем пока нет этого лекала, которое он может примерить на ситуацию. Ну ладно, ребёнок это отдельная тема. Давай вернёмся ко взрослым. Вот, например такая ситуация. – Допустим, у тебя есть парень.

– У меня нет парня – тут же отреагировала она.

– Ну неважно – невольно поставив мысленно галочку, ответил я. – Допустим. И вдруг он изменил тебе, например. Был зол, не сдержался – но всё, что он в итоге понял, это то – насколько же сильно он тебя любит. Ему было противно и мерзко, ну и вообще. И вот она, эта правда перед тобой. Что ты будешь делать?

Марина фыркнула и откинулась на диване, сложив руки на груди. Закрылась, про себя отметил я.

– А зачем он тогда это сделал?

– Да неважно – сказал я. – Могло по-разному случиться.

– Но ведь был факт? – Марина была непреклонна. – Был. И это – правда. А всё остальное лишь уловки, чтобы крутиться вокруг неё так, как тебе удобно.

Я поудобнее устроился в кресле и тоже сложил руки на груди.

– Ну хорошо. Пусть так.

Мы сидели друг напротив друга и смотрели прямо в глаза. Печка уютно потрескивала дровами, от начавших прогреваться смолистых брёвен стен начал исходить приятный хвойный запах. Я с содроганием представил, что случилось бы, если бы мы были Подключены. Отчётливо увидел привычный интерфейс, расчерченное тоненькими линиями инфоводов пространство вокруг – и злополучный мигающий красный флажок. Куда трудно было бы сейчас туда не ткнуть. И узнать сразу много нелепой, ненужной «правды» – что ей показалось, что мой нос похож на фасолину, например. Или, блин, на баклажан какой-нибудь. А также глянуть несколько «бликов» из её жизни – не факт, что приятных. Увидеть все возможные варианты событий с нами. И ведь многие мне бы скорее всего понравились, верно? Наверняка – я же вижу, какие она иной раз бросает на меня взгляды. Хотя всё может оказаться с точностью до наоборот... Я отогнал нахлынувшее видение.

Я больше не хочу этого. Я хочу сидеть вот так, просто, смотреть, спорить, присматриваться друг к другу – без каких либо подсказок наших больных и напроць изъеденных так называемыми достижениями цивилизации мозгов. Я не хочу об этом даже говорить – но мы уже слишком далеко зашли. Насколько это было возможно в нашей ситуации простого общения – тут, в креслах, закутавшись в тёплые пледы... Ничего особенного – а с другой стороны, как много всего в этой обманчивой простоте. Подключённым это было очень трудно заметить. Люди, подсевшие на информацию как на наркотик, практически теряли способность адекватно

воспринимать окружающий мир без подсказок и дополнений. Для Подключённых наше с ней общение показалось бы тем же самым, что просто сидеть с человеком в абсолютно тёмной комнате и молчать.

Она спрятала подбородок в воротник водолазки и замерла взглядом на дымящейся на столе чашке с чаем. В глазах заметались искорки воспоминаний, каких-то переживаний... Я не стал дожидаться, что она ответит.

– Но оставим в сторону то, что было и как мы про это думали. Тут все относительно просто. Хуже дело с тем, чего не было. – я замялся, подыскивая слова.

– Ну например. Позавчера сюда приходил мой сменщик, дядя Толя. С племянником – Антошка его звали, пять лет ему, что ли. Они попросили меня помочь разделать пойманного в лесу оленёнка. Живое, теплое существо, из крови и плоти, как мы с тобой. С ребрами и мышцами, сухожилиями и прочим. Я не часто сталкиваюсь с этим и никогда не охотился – но вчера помочь было некому. Я справился с задачей, но в памяти хорошо отложился хруст ломающихся рёбер и то ощущение, которое рождает теплеющая в руках мышца – так похожая на мои собственные, на те, что в каждом из нас. А вечером, когда мы играли с племянником, я взял его в руки и вдруг почувствовал под теплой кожей такие же почти рёбра... и мозг, то бесноватое нечто, что сидит за кинопроектором наших мыслей... – я замялся.-... тут же подсунил мне картинку, где Антошка вдруг поменялся местами с этим несчастным оленёнком. Случайная, мерзкая фантазия, ничто, так называемый «блик» – но картинка была, и видеоряд был. Который потом можно вытащить, взломав коллектор – и что мы получим? Если просто показать его всем желающим, что это будет. Какие можно сделать выводы о человеке после такого маленького, леденящего душу ролика? Если достать её и показать – смотрите, о чём он думает?

Марина настороженно смотрела на меня.

– Да ладно тебе, я не маньяк и не монстр какой-то – решил снять напряжение я. – Просто у меня образное мышление хорошее, вот и всё.

– Ну ладно – она расслабилась, скинула тапочки и забралась на топчан с ногами, поджав их под себя. В комнате стало сразу как будто чуть-чуть теплее – настолько уютно смотрелась она, утонувшая в огромном меховом кресле, задумчиво покусывающая прикрывающий подбородок воротник... Но руки с груди не убрала.

– Ну это же совсем не то. Фантазия, вспышка... ты ведь никогда не сделаешь такого, да?

– Да конечно, не сделаю, это понятно... Только кому понятно? Зачем мне вообще была нужна эта нелепая, жуткая ассоциация? Самое ужасное, что вырванной из контекста она становится реальностью. Для кого-то абсолютной. Для тех, кто не станет разбираться в подробностях, или просто не знает, как появилась такая картинка.

Я встал и прошёлся по комнате, разминая затёкшие мышцы. Остановился возле гудевшей под напором пламени печки и втянул носом запах дыма – дерева, отдавшего свою энергию огню.

– Ты так смешно ходишь тут, всю щупаешь и нюхаешь – её голос искрился улыбкой, и я обернулся – она морщила нос, сдерживая озорной смех. – Как ребёнок!

Её энергетика была потрясающе заразительна, и я улыбнулся – образ меня, огромного ребёнка в подтяжках и с большим чупа-чупсом вспыхнул в голове и тут же улетел – теперь уже, слава богу, безвозвратно. Мозг истерично пролистал в голове ещё несколько цепочек картинок и отпустил меня обратно – в уютное, тёплое бревенчатое зимовье в компании красивой девушки.

Ну да, как ребёнок. И она – как ребёнок. Только я – ребёнок, которого вырвали из детства на час и заставили прожить за этот час тысячу лет. И вернули назад – в детскую комнату, глазами старика уже не кажущуюся такой весёлой и безграничной. В которой слова родителей из-за стены уже обретают совсем другой смысл. Я погрузился.

– Я рад быть ребёнком. Если ты, конечно, не против общения с несовершеннолетними.

Она звонко рассмеялась и бросила на меня многозначительный взгляд.

– Я хорошая няня. Ну, так и что было дальше?

– С чём? – не понял сначала я.

– Ну, подключённые эти твои. Слово такое неприятное... как заключённые звучит. Ну, те кто сидел.

Я усмехнулся. Забавная ассоциация, можно было бы использовать для какого-то объекта или кампании... Она точно могла быть успешной в нашем мире – том, который я добровольно покинул.

– Я, наверное, всё таки плохо понимаю, как это работает – она поводила руками в воздухе, расталкивая невидимые окошки, наверное. – Вот это всё ваше полное информационное взаимодействие. И слава богу, наверное. Мне и так хорошо живётся. Но правда – это правда, и всё тут – она отхлебнула из чашки и приняла расслабленную позу, положив одну руку на подлокотник, а второй перебирая по поверхности подушки. Ну наконец-то, подумал я.

– Ну хорошо, конечно. Я и не говорю, что правды нет – примирительным тоном сказал я. – Ты согrelась. Может, пойдём ещё прогуляемся?

Через несколько минут мы уже стояли на улице. Холодный воздух встретил нас, бросив в лицо ворох крохотных снежинок, жизнерадостно клубящихся в лучах яркого зимнего солнца. После полумрака зимовья искрящийся миллионами ледяных солнц снег, лежащий вокруг величественными холмами, ослепил и оставил без слов – можно было только что есть сил сжимать веки слезящихся глаз, ожидая, когда они привыкнут к этому безумию света. Мы стояли на крыльце, зажмурившись, как наевшиеся лимонов китайцы, привыкая к свету и морозу, обступившему нас со всех сторон.

Наконец я смог открыть глаза. Марина, в большой шапке из искусственного меха и своем неизменном пуховике, выглядела словно сошедшая со страниц какого-то необычного журнала красавица. Солнце раскрасило её лицо, очертила скулы... я почувствовал, что могу бесконечно долго смотреть на это лицо и всё что вокруг.

– Ну что, пойдём? – я подал ей руку, и мы спустились с крыльца. Тропинка была довольно широкой, снег сварливо кряхтел под подошвами валенок, морозный воздух обжигал лёгкие... и это было прекрасно. Ели, натужно потрескивающие от пышных снежных шапок, абрис разрезающих вдаль синева неба гор... это настолько не походило на реалии города, его серую, заляпанную рекламой квадратность, на поток сумасшедшей информации вокруг, противоречивой, спорной, просто мерзкой иногда... Этот снег, эти горы тоже несли информацию – но информацию вечную, мудрую, проверенную временем. И для того, чтобы считать её, не нужно было быть Подключённым. Не нужно всех этих линеек и бесконечных ссылок. Не нужно знать, как называется на карте вот этот пик, какая у него точная высота, виды и типы деревьев вокруг, листать луки людей, бывших в этих местах и читать комменты – нелепые, бестолковые, до оскомины субъективные... А также температуру воздуха, влажность и прочее, прочее... Гораздо приятнее было сжимать тёплую ладонь в руке, дышать полной грудью и просто вертеть головой по сторонам, наслаждаясь величием и красотой природы вокруг – массой гор, молчанием деревьев, стрекотом сухих снежинок по синтетической ткани. Марина, окутанная облаком пара, шла рядом, такая живая, естественная, органичная этому месту. Его неотъемлемая часть.

– Что ты так уставился? – кокетливо спросила она и легонько ударила меня рукой в вязаной варежке по плечу. – Перестань, мне неловко.

– Хорошо – улыбнулся я в ответ и отвел взгляд. – Веди меня.

– Да тут особо ничего интересного-то и нет – она пожалала плечами. – Лес, горы... снег. Вон там за холмом – ещё посёлок, но до него идти, наверное час... километров пять. Далековато пешком.

– Да? – удивился я. – Не знал. Пять километров – в самый раз – не согласился я. – Пойдём. А обратно машину возьмём. Там же есть такси?

– Такси! – она звонко засмеялась. – Слово-то какое серьёзное. Какое у нас тут такси? Попросим кого-нибудь из лесорубов или сноубордистов на снегоходе отвезти. Не откажут, скорее всего.

– Как можно отказать такой красавице – я удивлённо поднял бровь и схлопотал ещё один мягкий удар в плечо.

– Хорош болтать – постаравшись придать голосу серьёзность, она указала подбородком на убегающую за деревья дорогу. – Пойдём, раз решили.

Мы двинулись по тропинке – не задумываясь, зачем мы идём в посёлок и что хотим там увидеть. Точнее она-то знала, что там будет – знакомые люди, привычные дома, какие-то знаковые, выбивающие воспоминания и ассоциации вещи... и меня снова посетила мысль о том, что я всё это уже мог бы посмотреть. Будь мы оба подключены, в посёлок можно было бы и не идти. Чёрт, а я ведь думал, что уже совсем перестал вспоминать обо всех этих возможностях. Слезть с этой информационной иглы, оказывается, было тяжелее, чем мне казалось.

Но через пару километров пути я уже так не думал. Точнее, я не думал об этом вовсе – происходящее вокруг полностью завладело мной. Размеренный шаг убаюкивал, мы шли почти молча, лишь изредка перебрасывались незначительными фразами – но нам было хорошо, и это было главное. До чего же приятное ощущение – чувствовать рядом живого человека, наслаждаться его присутствием, прорывающимся сквозь морозный воздух запахом дыхания или волос... и наплевать, что там на самом деле творится у него в голове.

Она вдруг нарушила тишину леса.

– Ты знаешь... Я вот всё иду и думаю... над тем, что ты мне рассказал. Я вот, например, вела дневник. Долго, с третьего класса до одиннадцатого. И потом, когда перечитывала... такие разные эмоции испытывала. Где-то, конечно, смеялась до упаду – как я на бабушку обиделась, например, и соли ей в компот подсыпала... а где-то – её карие глаза стали задумчивыми – ... такие вещи прочитаешь. Где-то родители ссорятся, собака у нас умерла... и это всё таким детским языком написано, таким почерком – буквы пузатые, смешные – так грустно становится. Всё будто оживает перед глазами. Я бы не хотела, чтобы этот дневник у меня постоянно перед носом висел. Пролистнул разок, всплакнул где-надо, посмеялся. И хватит. Да? – она вопросительно смотрела на меня, ожидая какой-то ответ.

А что я мог ей сказать? Да. Хватит. Но она никогда не была Подключённой. Она не знала – какой это кайф – творить прямо из ничего, быть в курсе всего... и какая это боль и грязь. Ты окунаешься в чьё-то больное воображение – и твой мозг, подхватывая волну, начинает гнать тонны отвратительного контента, который сливается в хранилище словно по какой-то зловонной трубе... А потом однажды это хранилище кто-то достаёт и выливает на голову всем, кому не лень сделать всего лишь один клик на своём виртуальном интерфейсе. Разворошить всю твою ложь и убогую, нелепую и никому не нужную правду. Сомнения, поступки, за которые тебе стыдно. Поступки, за которые не стыдно – но большинству они покажутся всё равно просто отвратительными.

Я остановился – скрип снега под ногами словно замер вместе со мной, повиснув эхом в привыкших к нему ушах. Она встала рядом, лицом ко мне, на расстоянии вытянутой руки – и все мои «блики», фантомы, лишние мысли растворились в окутавшей нас тишине. Не упали в дальний угол флэш-накопителя, а просто исчезли. Почти навсегда. Остался только лес, мороз, и красивая девушка передо мной. Загадка, образ, который никогда не вывернется перед тобой калейдоскопом до оскомины подробных картинок даже на одну сотую часть. Мне захотелось обнять её.

– Да, Марин. Дневник – это круто. Его не обязательно часто листать. А потом можно передать его детям. Пусть прочитают, что захотят. Узнают про жизнь мамы то, что она сама

захотела рассказать, будучи ребёнком... А то, чему места в нём не нашлось, пусть и пропадает к чертям. Да?

Она медленно, задумчиво кивнула, находясь где-то далеко от меня – возможно в детской комнате, может быть – у могилки только что умершей собаки. Или – зловеще нависнув над бабушкиным компотом с коробкой соли. Она отбросила «блик» – и снова вернулась ко мне.

– Да, не всё. – твёрдо сказала она. – Пойдём, что мерзнуть – и она аккуратно расправила воротник из синтетического меха на моих плечах. Так уютно, по-женски тепло. Вместо тысячи «бликов». Да что там вместо тысячи – вместо миллиона.

– А как бы ты хотела назвать своих детей? – не знаю для чего, вдруг спросил я. Она опять посмотрела на меня этим своим взглядом... тем, который я хотел видеть как можно чаще.

– А зачем тебе? Всё-то тебе нужно знать. Ну, если будет мальчик и девочка... тогда...

Мы тронулись дальше по тропинке. Лес вокруг пригнулся, впитывая нас, молча всматриваясь, колдуя, совершая магические пассы над нами своими заснеженными лапами... Запоминающая – молча, по своему. Забирая частичку нас и оставляя частичку себя взамен – в памяти, не разложенной на единички и нолики, на схемы, классификации и типы. Не забывая лишней и никому не нужной информацией бездонный накопитель, расположенный во рту вместо гнилого коренного зуба. Мы просто молча понимали, что все мы – единое целое. Каждый по своему – мы сложно и запутанно, а лес – на своём, древнем бессловесном языке.

И этого было вполне достаточно.

2. Вода

Проблемы со слухом начались у меня довольно давно. Сначала это носило совершенно безобидный характер – всего лишь какофония звуков внешнего мира, в основной своей массе абсолютно необязательная для восприятия, внезапно стала для меня не такой резкой и потеряла свою пронзительность и остроту. Я склонен был вообще не придавать этому какого-то серьёзного значения, но моя на тот момент основная занятость – игра на барабанах в популярном музыкальном коллективе – была всё-таки напрямую связана со слухом, и через некоторое время где-то глубоко в душе поселилось беспокойство – что, если недуг начнёт прогрессировать?

Но в шуме и гаме рок-н-рольной жизни как-то особо не нашлось места серьёзным обследованиям и походам по врачам, и я забил на эту проблему – подумаешь, тут не разобрал чьих-то криков, где-то что-то не так услышал – одно слово, затем другое, да и вообще – так ли они важны были, эти слова?

Возникшая проблема была, с одной стороны, вполне ожидаема – постоянный грохот ударных и железа перед носом, помноженный на рев перегруженного мониторинга и направленный кликом метронома, вынужденного прорезать всё это звуковое безумие – всё это не могло сказаться на слухе как-то позитивно. Первое время, кстати, тот же самый грохот позволял мне не замечать своей новой проблемы. На автограф-сессиях люди порой сами не только глухи, но и слепы и немы в своем желании получить вожделенную закорючку, а «звёздный статус» позволял не реагировать на вопросы редких смельчаков, создавая вокруг ореол парня загадочного и немногословного. Потом падение слуха стало сказываться в общении с друзьями-музыкантами – пару раз я, разбирая повествование через слово, несколько неверно услышал и воспринял информацию, из чего потом получился ряд не очень приятных ситуаций, но и это всё было так, маленькой ядовитой рыбкой в тёмном бушующем океане жизни.

Действительный шок мне довелось испытать несколько позже – когда прошло не менее полугода с момента, как я впервые почувствовал, что уши у меня стали уже не те. Случилось это при довольно интересных обстоятельствах, выстроенных судьбой словно по чётко выверенному и вычитанному сценарию.

Наш коллектив отправился на съемки нового клипа, обещавшего стать самой масштабной и эпичной видео работой группы. Место съемок как нельзя лучше подходило для этой цели – гигантская тарелка для прослушивания сигналов из космоса и таинственный институт с вызывающим какие-то оккультные ассоциации названием ГЭЦАИ, построенные на деньги Советского союза безумным учёным – экспериментатором в армянских горах.

Поездка выдалась во всех отношениях замечательной – приятная съемочная группа, виды и достопримечательности, дружелюбие местного населения и сам локейшн съёмок – всё сложилось в дивный пьянящий и бодрящий одновременно коктейль. Нацепив лётную форму армянских пограничников, мы с друзьями важно тыкали в небо пальцем под всевидящим оком какой-то модной камеры, скатывались по снегу и пили из горных ручьёв, старательно изображая спасение планеты – и это было прекрасно, и планета отвечала нам, согревая солнечным светом и всячески щедро одаривая материалом для новых переживаний.

Последняя часть съёмок, общий план – где мы играем вместе, как на сцене, плечом к плечу – снимался в центре той самой огромной тарелки, уже глубокой и тёмной как никогда ночью. Словно по заказу великого небесного режиссёра, под утро зарядила мощнейшая гроза – и я, пожалуй, никогда раньше не видел буйства этой стихии с таким размахом. Пронзительно-синие кривые линии молний драли небо на части, грохот грома, казалось, был способен обрушить горы, молча подпирающие взбунтовавшийся небосвод со всех сторон. Одна из молний ударила в опасной близости от нас – в какую-то ферму на границе той самой огромной

тарелки. Нас посетила мысль, что пережить грозу в гигантской металлической полусфере на возвышенности – что-то сродни прогулки по городу Волгограду с гей-флагом на день ВДВ, но предпринимать ничего не стали – слишком трудно было спускаться на место съёмок и уж тем более выбираться обратно. Да что уж там, это было круто – просто находиться в таком завораживающем месте, со своими друзьями, стоять с освещёнными небесным электричеством лицами под каплями прохладного летнего дождя – мне могли бы позавидовать многие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.